

ПѢСНИ ДЕРЕВЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

(Записаны въ Вятской губерніи).

(Перепечатано изъ „Памятной Книжки Вятской губ. на 1903 г.“).

Издание Вятского Губернского Статистического Комитета.

ВЯТКА
Губернская Типография.
1903.

Пѣсни деревенской молодежи,

ЗАПИСАННЫЯ ВЪ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Д. К. Зеленинъ.

„Я не распространяюсь о важности народныхъ пѣсень. Это народная история, живая, яркая, исполненная красокъ, истина, обнажающая всю жизнь народа“.

Н. В. Гоголь.

Было время, когда произведения народной словесности оценивались съ одной лишь эстетической точки зрения. Время это невозвратно миновало, какъ только народная литература стала предметомъ науки и къ ней приложены были строго-научные методы. Но старый предразсудокъ еще живъ, и онъ сказывается во всей силѣ, когда рѣчь заходитъ о новыхъ народныхъ пѣсенкахъ, известныхъ чаще подъ именемъ *частушекъ*. Еще такъ недавно было обычаемъ видѣть въ этихъ пѣсенкахъ оскорбляющую художественный вкусъ „фабрично-трактирную“, „лакейскую“ поэзію и отказывать имъ въ какомъ бы то ни было значеніи... Теперь и это время минуетъ. По крайней мѣрѣ, наша попытка защитить новую народную пѣсню отъ излишнихъ нападокъ (брюшюра: „Новые вѣянія въ народной поэзіи“. Москва 1901) была сочувственно встрѣчена не только въ специальной, но и въ общей печати.—Однако и теперь еще нерѣдко приходится слышать и читать отрицательные отзывы о частушкѣ. Появление въ печати болѣе или менѣе значительныхъ сборниковъ новыхъ народныхъ пѣсенокъ *) будетъ, конечно, лучшимъ отвѣтомъ скепти-

*) До сихъ порь такихъ сборниковъ нѣтъ; единственное исключение—небольшое собрание Новгородскихъ и Владимиrскихъ частушекъ въ журналь „Этнографическое Обозрѣніе“ 1897, II, р.р. 104—119 (кн. XXXIII).—Попутно укажемъ и литературу о частушкѣ и новой народной пѣснѣ вообще. *В. О. Михневичъ*, Извращеніе народного пѣснотворче-

Начато по постановленію Вятского Губернского Статистического Комитета.

камъ. Лицамъ же, преклоняющимися передъ одними авторитетами, мы напомнимъ золотыя слова нашего знаменитаго историка, *Н. И. Костомарова*: „Никакъ не слѣдуетъ пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада, или же носящими отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ: если для нашего эстетического вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, то для историка и мыслящаго наблюдателя человѣческой жизни онѣ все-таки драгоценныя памятники народнаго творчества. При этой точкѣ зрѣнія, видимая безмыслица для насъ иногда не бываетъ лишена смысла“ (Вѣстникъ Европы 1872 г., VI, р. 554).

Кромѣ широкаго отраженія народной души и народнаго быта въ современную намъ переходную эпоху,—частушка въ высшей степени интересна, какъ особый, новый типъ народнаго пѣсеннаго творчества. Самымъ своимъ появлениемъ типъ этотъ многое говоритъ о совершающихся въ нѣдрахъ народной жизни процессахъ,—о происходящемъ тамъ грандіозномъ переломѣ. Частушка—созданіе индивидуального, личного творчества. Она выросла на развалинахъ старой народной пѣсни, на похоронахъ стариинаго, колективнаго творчества. Пока народъ представлялъ собою однородную соціальную группу, общественное цѣлое однобразной структуры; пока личность стала въ народѣ,—коллективное творчество было вполнѣ естественнымъ. Но разъ личность, подъ

ства, „Исторический Вѣстникъ“ 1880 г., т. III. р. 750 и слѣд.; *Глыбъ Успенскій*, Новые народные стишки, сочин. т. III, 1891 г.; *С. М. Пономаревъ*, Что поетъ про себя Приуралье, „Сѣверный Вѣстникъ“ 1887 г., XI—XII; *И. Я. Львовъ*, Новое время—новыя пѣсни, В. Устюгъ 1891 г.; *Н. А. Смирновъ*, Русская народная пѣсни новѣйшаго времени, Спб. 1895 г.; *М. Огіевскій*, Новые элементы въ южно-русскомъ пѣсенотворчествѣ, Спб. 1892 г.; *В. Н. Перетцъ*, Современная пародная русская пѣсня, въ „Библиографѣ“ 1893 г.; *А. Баловъ*, Экскурсы въ область народной поэзіи, „Этнографическое Обозрѣніе“ 1897 г., II, р.р. 93—104; *Д. Успенскій*, Фабричная поэзія, „Книжки пѣдѣль“ 1895 г., IX, р.р. 1—13; *А. Раздоломскій*, Новыя пѣсни, „Образованіе“ 1900 г., VII—VIII, р.р. 40—48; *Д. Зеленинъ*, Новыя вѣянія въ народной поэзіи, М. 1901 г.—Изъ рецензій на эту послѣднюю брошюру особеннаго вниманія заслуживаютъ *А. И. Соболевскую*, въ „Литературномъ Вѣстникѣ“, т. III, р.р. 299—300 и *А. Погодина* въ „Русской Школѣ“ 1902 г., май, іюнь.—*Шурыгинъ*, Новыя пѣсни, „Жизнь“, 1897 г., іюнь; *Г. Л-овъ*, Заводская частушка, „Россія“ 1901 г., № 896; *А. Штакельбергъ*, „Новое время“—новыя пѣсни, „Россія“ 1901 г., № 916.

вліяніемъ самыхъ различныхъ историческихъ условій, проснулась, разъ народъ (въ узкомъ смыслѣ этого слова) пересталъ быть однородною, органически сплоченою массою,—коллективное творчество должно было уступить мѣсто личному творчеству. Каждый индивидуумъ имѣть свои, ему одному свойственныя чувства, симпатіи, взгляды,—свою душу; эту душу, эти индивидуальные черты онъ невольно выражаетъ и въ своей пѣснѣ. А когда человѣкъ ясно и отчетливо сознаетъ свою индивидуальность, свое отличие отъ прочихъ членовъ данного общества,—тогда онъ начинаетъ дѣлать это сознательно, онъ старается сказать (въ пѣснѣ) свое слово, выразить свое чувство.—Это именно мы и наблюдаемъ въ современной частушкѣ. Отсюда—эта неустойчивость, эфемерность частушки; ихъ тысячи возникаютъ каждый день, чтобы завтра исчезнуть.—Тоже самое было бы, конечно, и съ миллионами стиховъ нашихъ непривычныхъ поэтовъ, еслибы у насъ не было письма и печати, чего нѣтъ въ народѣ.—Но и въ народѣ не всѣ поэты; есть и толпа, такъ сказать, простые читатели-любители стиховъ. И эти послѣдніе подхватываютъ созданія своихъ, болѣе одаренныхъ, сосѣдей, и разносятъ ихъ по бѣлу свѣту. Поэтому-то, быть можетъ, часто худшія частушки (напр., нашъ № 466 отмѣченъ и въ Ярославской губерніи) пользуются гораздо большею распространенностю по сравненію съ истинно-поэтическими пѣсенками.

Рядомъ съ этимъ широкимъ развитіемъ индивидуализма, мы сталкиваемся въ частушкѣ съ многознаменательнымъ усиленіемъ литературныхъ вліяній. Объ этомъ мы подробно говорили въ своей прежней брошюрѣ и повторять здѣсь не будемъ. Отметимъ только, что въ этихъ двухъ характерныхъ чертахъ современной частушки выполняется предсказаніе *Н. И. Костомарова*, написанное имъ еще въ 1872 году (Бесѣда, IV, р. 10).—„Навѣрное можно сказать,—писалъ этотъ знатокъ народной души и жизни,—что распространеніе грамотности и книжнаго образованія *убѣдетъ безознательное народное творчество*; само собою разумѣется, мы не пожалѣмъ, если, ради всеобщаго просвѣщенія, необходимо пожертвовать этимъ драгоценнымъ достояніемъ протекшихъ вѣковъ, памятниками духовной дѣятельности нашихъ предковъ“.

Съ другой стороны, современная частушка даетъ намъ возможность наглядно прослѣдить самый процессъ зарожденія новыхъ народныхъ пѣсень.—Обычная форма частушки—четверостишie,—

это первая ячейка, зерно пѣсни *). Двустшие, при прочихъ равныхъ, производить все-же впечатлѣніе чего-то неполнаго, недодѣланаго; въ двустшии нѣть параллелизма, а безъ параллелизма нѣть народной поэзіи. Трехстишіе было бы чѣмъ-то несимметричнымъ, особенно въ музикальномъ отношеніи (при пѣніи два стиха текста составляютъ одну музикальную строку), почему частушки—трехстшия исполняются всегда съ повтореніемъ средняго стиха (№№ 21, 24, 40, 67, 114, 117 и т. д.), черезъ что получается четверостишіе.—Это же самое наблюдается и въ частушкахъ съ другимъ нечетнымъ количествомъ стиховъ (см. № 63, 86, 93 и т. д.).—Къ этой ячейкѣ постепенно пристаютъ маленькие наросты—запѣвы („зачины“; № 26, 84, 85, 205, 215, 353, 451, 459), концы (небольшія прибавки въ концѣ; при пѣніи онѣ иногда не исполняются; № 20, 43, 63, 64, 86, 106, 123, 124, 127, и др.); иногда двѣ такихъ ячейки соединяются въ одно цѣлое,—вслѣдствіе близости содержанія, параллелизма, противоположенія и т. п. (№ 88, 93, 102, 120, 126, 141, 152, 202, 234, 261, 273, 298 и др.). Наконецъ, черезъ соединеніе нѣсколькихъ пѣсенокъ и черезъ соотвѣтственное измѣненіе ихъ при этомъ получается новая „долгая“ пѣсня. Примѣры такого рода мы уже имѣемъ (всего полгода назадъ А. Погодинъ еще отрицалъ ихъ существованіе и только предвидѣлъ въ будущемъ; Русская Школа 1902, май—июнь); таковы №№ 46, 61, 147, 183, 228, 243. Примѣръ другихъ народовъ, особенно финскихъ (Погодинъ, *ibidem*) лишний разъ убѣждаетъ насть, что здѣсь именно *будущее частушки*.—Подобное же соединеніе многихъ частушекъ въ одну „долгую“ пѣсню, но не органическое соединеніе, а часто случайное, безъ внутренней или даже безъ всякой связи встрѣчается очень часто; особыми любителями такого рода безсвязныхъ сплетений являются девушки;—онѣ же, въ сущности, и главныя поэтессы: парни очень часто „перенимаютъ“ частушки отъ девушекъ, конечно, „переворачивая“ ихъ по своему.—Иногда такого рода бессистемная цѣпи частушекъ являются чѣмъ-то устойчивымъ; подъ Нижнимъ-Новгородомъ пользуется большею известностью такъ называемая „Саратовская пѣсня“—наборъ частушекъ

*) Эта форма пѣсни встрѣчается и у другихъ народовъ, между прочимъ, „башкиръ поетъ своимъ четверостишіемъ о первой попавшейся вещи“ (*Пономаревъ*, „Сѣв. Вѣстникъ“ 1887, XI, р. 37). См. также у *Погодина* („Русская школа“ 1902, май—июнь).

(начало—пашъ № 15; отдѣльные звенья этой цѣпи записаны на ми въ разныхъ мѣстахъ).—Въ Вятской губерніи составленныя изъ частушекъ „долгія“ пѣсни называются большею частію „проходящими“ (ихъ поютъ *идя* на работу и т. п.).

Соединеніе частушекъ въ органическое цѣлое совершается какъ самими авторами частушекъ *), такъ и другими лицами. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ можно видѣть остатки стараго коллективнаго творчества.

Наконецъ, и съ художественной стороны современная частушка далеко „не такъ черна, какъ ее малютъ“. Эта замѣтливая непосредственность и подкупающая свѣжестъ бывающаго ключемъ народнаго творчества, лишь изрѣдка засоренаго пакинью „фабричной“ декадентщины,—способны доставить читателю эстетическое наслажденіе.—При чтеніи необходимо имѣть въ виду, что народная поэзія имѣетъ свой, особенный характеръ и, въ частности, свои *технические приемы* творчества. Мы уже занимались о параллелизмѣ, какъ необходимомъ условіи народной поэзіи. Здѣсь скажемъ еще о традиціонныхъ пѣсенныхъ символахъ; они достались частушкѣ въ наслѣдство отъ старой пѣсни, и встрѣчаются въ ней чуть не на каждомъ шагу. Умѣюцій читать эти символы (прекрасное пособіе при чтеніи ихъ—книга *Потебни*). Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ) видѣть строгую связь и послѣдовательность тамъ, гдѣ другого рода читатель подивится безмыслицѣ. (См. прим. къ №№ 58, 85, 211, 224, 289, 293).

Мы искали въ частушкахъ картины современной народной жизни, и распредѣлили ихъ на группы по отдѣльнымъ чертамъ народнаго быта. Конечно, не на все частушки одинаково откликается; у ней есть свой конекъ, общій съ конькомъ поэзіи всѣхъ временъ и народовъ—любовь („игранье“). Иискать въ нашей картинѣ *полноты* изображенія народнаго быта было бы странно. Не нужно забывать и того, что наши частушки записаны въ предѣлахъ одной губерніи, въ дикомъ, захолустномъ углу Европы, гдѣ еще такъ нерѣдко возносится къ небу дымъ отъ языческихъ жертвоприношеній мѣстныхъ инородцевъ (черемисъ и вотяковъ;

*) Еще Костомаровъ писалъ, что въ народѣ „появляются пѣснотворцы, составляющіе разомъ готовыя пѣсни“ (В. Европы 1872, VI, р. 566).—Мы смотримъ и на частушку—четверостишіе, какъ „на готовую пѣсню“, почему и говоримъ о *погоронахъ* коллективнаго творчества.

см. нашу замѣтку—язычество въ Вятской губерніи, въ журналѣ *Жизнь* 1900, XII.

При своей краткости и эфемерности, частушка, въ сущности, не имѣть того, что обыкновенно называют мотивомъ пѣсни. Частушка нерѣдко отражаетъ въ себѣ простое настроеніе, отдѣльное впечатлѣніе, самый маленький фактъ изъ жизни или отношеній „милки и милёночка“. Въ виду этого, мы и не могли распределить частушки по мотивамъ, а руководились при распределеніи тѣми, часто второстепенными въ пѣсенкѣ и ничтожными, черточками, которая имѣютъ какое-либо отношеніе къ той или иной сторонѣ народнаго быта.

Отъ всякихъ выводовъ о чертахъ народной жизни по даннымъ частушки мы заранѣе отказываемся, предоставляемъ ихъ всѣмъ читателю.

Частушки—самая любимая и самая модная пѣсни современной деревенской молодежи. Именно только молодежи. Старое поколѣніе деревни, помнящее еще старинныя пѣсни, не знаетъ и не признаетъ частушки, относясь къ ней съ презрѣніемъ и отрицаніемъ. И это рѣзкое раздѣленіе современной деревни во взглядахъ на частушку лишній разъ убѣждаетъ настъ, что мы имѣемъ дѣло съ серьезнымъ и крупнымъ переворотомъ въ народномъ творчествѣ.

Мужская деревенская молодежь поетъ частушку, „наскѣзываѣтъ“—подъ гармонику, гуляя по улицѣ.

По дерёвнюшкѣ пройду

Поиграю—попою (2)

Про любезну про свою! (Рож.)

такъ поется въ частушкѣ о ней-же самой.—За каждою строкою мелодіи (двумя стихами текста) слѣдуетъ пауза, когда гармоника повторяетъ ту же самую мелодію безъ пѣнія.

Дѣвушки поютъ частушки хоромъ (но всегда въ унисонѣ; унисонное пѣніе, впрочемъ, преобладаетъ теперь и въ „проголосныхъ“ пѣсняхъ молодежи)—на уличныхъ гуляньяхъ („въ табунѣ“), на бесѣдкахъ и т. п. Подъ частушки нерѣдко пляшутъ; отъ обычного въ плясовыхъ пѣсняхъ, часто (скораго) напѣва она получила и свое название *).

*). Частымъ, т. е. скорымъ, быстрымъ, какъ бы рубленымъ (въ

Дать въ немногихъ словахъ точное опредѣленіе частушки, какъ пѣсенного типа, трудно. Мы предложимъ читателю болѣе подробное описание главныхъ отличительныхъ чертъ частушки.

1) Краткость. Въ частушкѣ отъ 2 до 6 стиховъ, частушки въ 8 и болѣе стиховъ являются большою частью соединеніемъ въ одно цѣлое двухъ или нѣсколько пѣсенокъ, часто живущихъ и отдѣльно. Четность стиховъ является непремѣннымъ условиемъ, между прочимъ, и потому, что два стиха текста составляютъ всегда одну музыкальную строку—Впрочемъ, будущее частушки, какъ то можно заключать въ виду указанныхъ выше симптомовъ въ нашей пѣснѣ и изъ аналогіи поэзіи другихъ народовъ,—соединеніе ея въ „долгія“ пѣсни, даже въ цѣлые поэмы. То есть, возможно, что мы имѣемъ дѣло съ зачатками новой волны народнаго творчества, идущей на смѣну старой народной пѣсни; вѣдь, нѣть ничего невозможнаго въ предположеніи, что и эта послѣдняя (старая пѣсня) возникла въ свое время изъ подобныхъ же четверостишій. Характерно, что въ Вятской губерніи пѣсени въ 10 и болѣе стиховъ, явно составившіяся изъ частушекъ и носящія всѣ признаки этихъ послѣднихъ, называются уже не частушками, а—чаще всего—*проходящими* пѣснями.

2) Полная независимость частушки отъ какого-бы-то ни было обряда и обстановки. Риѳмованная четверостишія, употребляемыя въ разнаго рода играхъ и хороводахъ, никогда не называются частушками.—Мало того, частушка даже теряетъ связь съ музыкою, что составляетъ полную противоположность старинной пѣснѣ, гдѣ музыкальная сторона даже доминируетъ надъ текстомъ. Частушки столь же часто говорятся (какъ бы декламируются) въ народѣ, какъ и поются. Пѣніе же ихъ всегда унисонное и мелодія самая упрощенная. Для такого рода пѣнія въ народѣ существуетъ особый, очень мѣткій, терминъ: *наскѣзывать*.—„Славно онъ *наскѣзывать*“,—выражаются одинаково и о деревенскомъ

противоположность „протяжному“) напѣвомъ исполняются всѣ плясовые пѣсни, которая поэтому нерѣдко и называется *частыми* пѣснями, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже и *частушками*. Такъ, М. Халанжій говорить про записанную имъ въ Курской губерніи пѣсню, сопровождающую обрядъ изгнанія смерти (Русскій Филологический Вѣстникъ, т. XV, р. 174—175): „напѣвъ (ея) быстрый, крикливый, дикій; слоги подценурные и конечные не протягиваются, а какъ-то отсѣкаются. Эта и подобная въ Щигровскомъ уѣздѣ называются „частушками“.

парни, поющими свои пѣсеньки подъ гармонику, и о балаганномъ куплетистѣ (пользующимся куплетами *Невскаго* и другими сборниками театральныхъ куплетовъ). Нерѣдко также частушки зозвутъ въ народѣ (Вят. губ.) *прибаутками* (отъ *баятъ*—говорить), *прѣскажѣнками*, *прѣскажѣнками* и т. п. Такимъ образомъ, покойный *Глѣбъ Успенскій*, окрестившій частушку *стишкомъ* (Соч., т. III. Спб. 1891; ст. „Новые народные стишки“) былъ вполнѣ правъ: частушка, дѣйствительно, хочетъ быть стихотворенiemъ, а не пѣснею.

3) Въ большинствѣ случаевъ (за исключенiemъ частушекъ, являющихся простыми обрывками старинныхъ пѣсень, о чмъ см. ниже, въ гл. XX) частушка является созданiemъ индивидуальнаго генія, плодомъ личнаго авторства. У каждого пѣвца свои и частушки, въ большинствѣ случаевъ составленныя имъ же самимъ. Частушка выходитъ изъ устъ автора въ цѣльномъ, готовомъ видѣ, и, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. *Погодинъ* въ своей, не разъ нами уже цитованной рецензіи, „не шлифуется“: если она удачна, красива, выражаетъ болѣе или менѣе общую, интересную для многихъ, мысль или впечатлѣніе, она остается жить; если же неудачна или слишкомъ индивидуальна (иногда до мелочности), тогда сразу же погибаетъ. Изучая въ Вятской губерніи народное творчество въ связи съ самою жизнью народа, я совершенно независимо пришелъ къ убѣждѣнію, почти совершенно тождественному съ тѣмъ, къ какому пришелъ г. *A. Штакельбергъ*, наблюдавшій народную жизнь и пѣсню „въ глухой деревушкѣ Новгородской губерніи“. Онъ пишетъ: „Весьма возможно, что современемъ изъ этихъ новѣйшихъ, наиболѣе удачныхъ и любимыхъ пѣсенокъ, современемъ составится нѣсколько длинныхъ. Въ настоящее же время ихъ краткость объясняется *желаніемъ* *каждаго выразить свою собственную завѣтную думу съ ея индивидуальными оттиками*. Жизнь безусловно стала многосторонне и въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, и каждый членъ деревенского общества имѣть свои ему одному свойственные вкусы, пристрастія, и уже не находить полнаго выраженія для нихъ въ общей пѣснѣ, видоизмѣняетъ ее, прибавляетъ что нибудь отъ себя, складываетъ новую—частушку. Надо замѣтить, что складываются эти пѣсни не въ уединеніи, какъ можно было бы предполагать, по примѣру творцовъ письменной литературы, а на гуляніѣ, на посидкѣ, словомъ, въ обществѣ. И вотъ, находясь въ

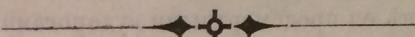
обществѣ, гдѣ прежде, бывало, всѣ сообща тянули одну, всѣмъ одинаково близкую пѣсню—теперь *каждый старается сказать свое слово, выразить свое чувство, свой взглядъ на вещи, свою мысль*. (Курсивъ въ обоихъ случаяхъ мой). Тутъ же выступаетъ и соревнованіе въ умѣніи складывать пѣсни *), и каждый старается сложить свою или сказать чужую, гдѣ-нибудь слышанную, но слушателямъ еще неизвѣстную пѣсню. Вотъ это стремленіе во что-бы то ни стало сказать что нибудь новое и заставляетъ иногда повторять то, что услышано мимоходомъ, причемъ, конечно, бываютъ и искаженія смысла. Но такія неудачныя произведенія большею частію не имѣютъ успѣха и скоро забываются“ (Россія 1901 года, № 916).—Объ индивидуализмѣ въ самой жизни и настроеніи молодежи см. ниже главу VIII.

Здѣсь же кстати замѣчу, что происходитъ въ настоящее время съ старинною народною пѣснею. Въ устахъ однихъ (именно—людей старого поколѣнія) она превратилась *въ священную, но мертвую формулу*; старики хранять и повторяютъ ее (пока имъ не измѣнить память) съ педантичнѣйшою точностью, боясь измѣнить букву; цѣлые тирады ея, неговоря объ отдельныхъ словахъ и выраженіяхъ, совершенно непонятны для пѣсенниковъ, однако тирады эти повторяются, какъ что-то необходимое, только съ болѣшими или меньшими искаженіями. И это окамѣнѣніе старинной пѣсни представляется мнѣ ея предсмертными судорогами, обморокомъ,— состояніемъ, непосредственно предшествующимъ полному упадку и разложенію старой пѣсни (срв. народные заговоры, окамѣнѣвшіе давно и теперь доживающіе послѣдніе минуты своего существованія); живая народная пѣсня, носящая въ себѣ элементы жизни, а не разложенія, по справедливому замѣчанію *Костомарова*, „безпрестанно подправляется, поновляется, передѣлывается, движется вмѣстѣ съ жизнью“ (Вѣстникъ Европы 1872, VI, р. 542).—У деревенской молодежи, какъ мы уже говорили выше, свои пѣсни: частушки и романсы, т. е. проникшіе въ народъ чрезъ посредство лубочной литературы, „циганскія“ и иные „пѣсни“ г.г. Ваненко, Жукова, Шевлякова, Уколова и массы другихъ подобныхъ, а также составленные по образцу этихъ послѣднихъ (въ томъ же сентиментальномъ и балладическомъ

*) Невольно вспоминаются при этомъ публичныя состязанія античныхъ драматурговъ и поэтовъ, сущность явленія одна и та же, различны лишь рамки и обстановка.

духъ, съ фигурированиемъ мертвцовъ и чертей и съ риторическими описаниями природы) собственные „романсы“ народа. Но, конечно, молодежь нерѣдко слышитъ отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ ихъ старинныя пѣсни; болѣе любознательные запоминаютъ (народъ говорить: *понять пѣсню*) ихъ, но обращаются съ ними черезчуръ вольно; въ устахъ молодежи старинная пѣсня теряетъ свой обликъ, мѣняется въ корнѣ—„переворачивается на новую“ (какъ говорить самъ народъ), а еще чаще раздробляется на мелкія части, болѣе пѣльныхъ изъ которыхъ живутъ подъ именемъ и въ качествѣ частушекъ (см. ниже гл. XX). Но здѣсь все-таки жизнь а не смерть.

— Текстъ пѣсень печатается ниже съ соблюдениемъ особынностей мѣстного говора; но говоръ деревенской молодежи, за очень рѣдкими исключеніями, сильно нивелировался. Фонетическое написаніе не выдержано мною въ случаяхъ общевеликорусской замѣны звонкихъ (*media*) согласныхъ глухими (*tenues*) и наоборотъ, по ассимиляціи *i*, *n*, гдѣ онъ стоитъ на необычномъ мѣстѣ, означаетъ очень узкое *e*.

I. Кого любить?

1. Вы, робята, диковаты,
Я одинъ *калѣнушка* (смирняга);
Не за то ле дѣвки любять,
Что я *сиротинушка*? (Лекма).
2. Хорошо траву косить,
Которая зелена; *)
Хорошо милку любить,
Которая *смирена*. *) (Лекма).
3. Хорошо траву косить,
Которая не свѣрнѣца;
Хорошо милку любить,
Которая *не сердицца*. (Лекма).
4. Надо ту траву косить,
Которая зелена;
Надо ту дѣвку любить,
Которая *веселая*. (Кундышъ).
5. Хорошо траву косить,
Которая сама *кѣсицца*;
Хорошо милку любить,
Которая *замужъ просицца*. (Лекма).
6. Любите, дѣвушки, солдатиковъ,
И надо ихъ любить:
Образованные люди,
Знаютъ, что поговорить. (Соболево).
7. Надо ту траву косить,
Которая *лапушка* (съ широкими, большиими листьями);
Надо тѣхъ робять любить,
Которые *съ игрѣшкамъ* (съ гармониками; Кундышъ).

*) Буква е, выдѣленная другимъ шрифтомъ, во всѣхъ словахъ читается какъ е съ двумя точками и съ удареніемъ.

8. У Ивánка есть талáйка (гармонь)
Съ половиной пять рублей;
Оть Иванка не отстану,
Хоть родная мать убей! (Ломъ).
9. Скóль я лéсу не рубила,
Крéпче дубу не нашла;
Скóль я милыхъ не любила,
Лúтче Вани не нашла. (Юрьево).
10. Вы не пейте, дéвки, воду,
Которая пузырица;
Не любите вы Ондрюшку:
Онъ бóльно браннýца. (Тиминцы).
11. Не велять любить Ивана,
Велять любить Микулáя;
Про Ивана прошла слава,
Въ славѣ дéвица попала. (Соболево).
(Т. е. въ недоброй молвѣ о Иванѣ фигурировала, между прочимъ, дéвица).
12. Што сказали про милóва:
Худенькой да маленькой!
Въ воскресéньё видѣла:
Какъ цветочекъ аленъкой. (Ломъ).
13. Ека Ѵвова корзиночка
Дубовой половокъ!
Я за то люблю миленочки:
Принишу́ватъ глазокъ. (Ломъ).
14. На печѣ-то кирпичи,
На полатяхъ доски;
Цоловала солдатушка,
Больно усы жеоски. (Высоково).
15. Поигралъ бы на гармошкѣ—
Позолочены мѣхá;
Полюбилъ бы старовѣрку:
Не замолить-ле грѣха. (Соболево).
16. Пьёмъ вóдочку—не брагу;
Любимъ дéвшушку—не бабу. (Камешни-
ца).

17. Со кудрýвыё березки
Можно вíнички ломать;
За хорошую дéвченку
Можно денежки отдать. (Лекма; разумѣется калымъ,—вѣно, выкупъ за невѣсту, который здѣсь сохранился).
18. Меня тятенька бранилъ;
Зачѣмъ корáсу полюбилъ;
При потёмкахъ, при огнѣ
Показалась шельма мнѣ! (Рож.).
19. Мы катáлися съ тобой—
Санки новенькиё;
Посадили по матáньке (милѣ)—
Шточки аленъкиё! (Рож.).
20. Подъ окошечкомъ колодчикъ—
Призастойная вода;
Я привытна верёвку—
Привытнётъ вода;
Не любили парни дéвку—
Дéвка славная была. (Кам.).
21. Ужъ вы, дéвки, любите меня!
Молодушки любите меня! (2)
Старушонки не глядите на меня!
(Оршанка).
22. Не оть насъ огонь погась—
Сами погасили;
Не оть насъ не любять вась—
Сами некрасивы. (Лекма).
- II. Любить ли богатую? Общій взглядъ на богатство и бѣдность.
23. Не люби, милой, богату—
Люби милой по душѣ;
На что намъ каменны палаты—
Проживёмъ мы въ шалашѣ. (Лекма).
24. Во кармашкѣ двѣ бумажки,
Во другомъ-ту два троша (2)
За то милая хороша! (В.-рѣчь).

25. У миляшки у бъдняжки
Три я ночи ночеваль;
У богатой у проклятой
Подъ окошкомъ простоялъ! (Лекма).
26. На моёмъ-то на сердечкѣ
Ромно камешокъ лежитъ;
Ты сваліся, камешочикъ,
Я не буду подымать;
Пропади милка богата—
Я не буду иревать! (Лекма).
27. Не кукуй, кукушечка!
Не кукуй, горбатая;
Моя милка хороша,
Только не богатая! (Лекма).
28. У меня много имѣнья:
Полна горница каменя,
А другая—кирпичу;
Съ богатымъ знатся не хочу!
(Роженцово).

29. За овиномъ боронила
Землю дерноватую;
Я тебъ милый бъдна,
Поищи богатую. (Соб.).

30. Пропшъмъ сестру,
Прогулямъ брата;
Я надѣюся на то:
Милочка богата!—Срв. № 283.

III. Игранье—взаимное ухаживание молодежи—главная тема ча-
стушки. Это не флиртъ: конечная цѣль игранья—бракъ (см. ниже
эту рубрику).—Играющая пара носить разныя наименования: иг-
ральщикъ и игральщица, милка и миленочекъ, шамайка и шамас-
екъ, матанька и дружбъкъ, любезная и любезный.

31. Дай-ко вічку смѣрять рѣчку:
Вічка хватить алі нѣть;
Найду-выйду за ворота:
Милка 'стрѣтитъ али нѣть? (Ломъ).

32. По угбру я иду—
Собаки лаютъ на бѣдѣ;
Онѣ лаютъ, точно знаютъ:
Я ко мілочекѣ иду...
Погоди, собачка, лаять:
Дай мнѣ съ миленькой побаять (поговорить);
Погоди, собачка, выть:
Дай мнѣ съ миленькой побыть! (Лекма).
33. Много звѣздонекъ на небѣ,
Одинъ мѣсецъ больше всѣхъ;
Много дѣвшушокъ на свѣтѣ—
Одна милка краше всѣхъ! (Роженцово).
34. Посиди-ко со мной рядомъ,
Землениженка моя!
Пополамъ тоску раздѣлимъ:
Не тоскуй не ты, не я! (Ломъ).
35. Волга рѣченка глубока—
Не видать во рѣчкѣ дна;
Сколько милой недалеко (какъ милый
не близко живеть)
Не видать денечка два! (Роженцово).
36. Въ полѣ бѣлая берёза
Отъ дожжа качающа;
Скажи, миленькой, тихоньку:
Ты обѣ чёмы печалишся? (Ломъ).
37. Што ты милой прикручилса,
Садовой яблочёкъ!
Неужеле не найдецца
Для тебя подарочёкъ? (Ломъ).
38. Негдѣ милую не вижу:
Не въ деревнѣ, не въ селѣ;
Только вижу, только слышу
Въ тёмной почѣ—въ крѣпкомъ снѣ!
(Роженцово).
39. Моя милка хороша:
Што попова дочка;
Не видать только её
Сорокъ три денечка! (Высоково).

40. Пойду-выйду за ворота,
Навалюсь на верею (2)
Наглежусь на милую! (Рож.).
41. У точенова столба
Нѣту счасья неколда;
Колда вѣтеръ, колда дошь,
Колда милу долго ждёшь! (Рож.).
42. Всё селеньцео пройду,
На заулкѣ стану;
Спить не спить моя матанька,
Я будить не стану. (Рож.).
43. По деревнишке иду—
Собаки лаютъ на бѣду;
Онѣ лаютъ: про то знаютъ,
Что я къ миленькой иду (2)
Платочикъ аленькой несу. (Рож.).
44. Выйду съ горя въ чисто полѣ,
Сѣду я на бугорокъ;
Поглажу я въ ту соронку,
'дѣ любезная живѣть. (Заводчина).
45. Мы сидѣли съ милой рядомъ
На елѣховоѣмъ (ольховомъ) пнѣ;
У милой сердцо болѣло,
У меня обѣ нѣй вдвойнѣ. (Рож.).
46. Подъ окопечкомъ сидѣла,
Пряла бѣленькой ленокъ;
На ту сторону глядѣла,
Отколъ миленькой идѣтъ.
Онъ идѣтъ-то-ле идѣтъ,
Во рукѣ гармонь несётъ.
Што гармошка не играѣшь—
Алѣ въ тебѣ тону нѣть?
Што мілая не встрѣчайшь—
Али тебя дома нѣть?
— Кабы дома-та была,
Середь поля 'стрѣтила (2)
Во горенку увела (2)
Да стаканъ мёду подала! (Лекма).

47. Некто горюшка не знаѣтъ,
Сколько я извѣдала;
Я съзмалыхъ лѣтъ дѣвчёночка
Любовь затѣяла. (Рож.).
48. Охъ-охъ-охъ! не дай Богъ
Заразительну любовь;
Кто любовь-ту заразилъ,
Опосля спокинулъ да забыль!
(Заводчина).
49. Погледимъ въ овсяно полѣ—
Тамъ идуть съ тальянкой двоѣ:
Одинъ миленькой мой,
Другой—подруженьки мої.
(Роженцово).
50. Пойду-выйду за ворота,
Поглажу на ельничёкъ;
Намъ не дорогъ ельничёкъ,—
Дорогъ Ваня мельничёкъ! (Кундыши).
51. Я сидѣла у камнѣтки (досчитая перегородка въ избѣ)
У крашенинъкѣ;
Мілой выслушилъ сердечко
У молодинъкѣ. (Кундыши).
- X 52. Сколько ребинушку ломала,
Опускала кисти внизъ;
Сколько милому махала—
Приходи ребинку ись (ѣсть) 2
Выбирай любую кись (2)
Завсегда со мной садись! (Липово).
53. Што-то сдѣлалось съ телёночкомъ:
Не сталъ въ полѣ ходить;
Што-то сдѣлалось съ милёночкомъ:
Не стала меня любить. (Высоково).
54. Я стояла на бугрѣ,
Троё спорять обо мнѣ;
Што вы троё спорите—
Вы меня не стояте! (Заводчина).

55. Мо'ётъ бъленькой платокъ
Облеталь парией петокъ;
На шестые-то попаль—
Платочикъ бέзъ въсти прошалъ. (Рож.).
56. Отчего въ печѣ не жарко?
— Мама воду пролила;
Отчево дружка не жалко?
— Я другова нажила. (Рож.).
57. Не соленая капуска
Въ новенькой кадушечкѣ;
Не сырать менѣ съ любезнымъ
На одной подушечкѣ! (Кундыши).
58. Въ первой печкѣ уголечки
А въ другой-ту сильной жарѣ;
Прежде мілѣва любила,
А топёрь несколь нежаль! (Кундыши).
Прим. Жарь—символъ любви; срв.
№№ 56, 293, 294.
59. Охъ ты милка черноглазка
Крутоносенькой носокъ;
Дай ко саночёкъ на горушку—
Прокатимся разокъ. (Лекма).
60. На лошадкѣ сивенькой
Ёдѣть Вася съ миленькой;
На лошадкѣ вороной
Воротись, Вася, домой! (Соб.).
61. Шолъ я лѣсомъ, пѣсно пѣль—
Въ лѣсѣ раздавалося (2)
Шамайка догадалася.
Шамае-мае-маеночёкъ!
(Вар. Вася-Вася-Васеночёкъ!)
Покатай нашихъ дѣвченочёкъ!
— Ужъ я радъ бы покатать,—
Дороженька талая (2)
Лошаденка старая!
(Вар. А лошадь усталая!).

62. Я просыпала орѣшки—
Изъ карману меледу (кедровые орѣхи);
Полюбила я милова
На семнадцатомъ году. (Ломъ).
63. На оконкѣ содац(ч)окъ *)
Любить полеваньецо;
Мо'ётъ миленькой баскѣй
Любить цолованьецо (2)
Съ мосту провожаньецо. (Лекма).
64. Земленішка-ягодка
Съ травоныкой смѣшалася;
Лѣтъ семнадцати дѣвченка
Съ парнечкомъ свезалася,—
— Она такъ свезалася,
Кое-какъ разсталася. (Рож.).
65. Мілой мой, побойся Бога,
Полюби меня на вѣкъ (2)
У меня другова нѣть. (Соб.).
66. Въ огородѣ грабельцы—
Крашбная колбочка (деревянка у
граблей, въ которую вставляются зу-
бы);
Вонъ я вижу кто идѣтъ:
Иванова походочка.—
По походочкѣ не знаю,—
По талъянкѣ признаю. (Лекма).
67. Гори домъ—гори кардбнъ
За кардбномъ бания (2)
Шамаенокъ Ваня! (Ломъ).
68. На улицѣ пыль пылица
На дворѣ метелица;
Полно, миленька, сердіцца
(Вар.: Отдай, миленька, колечко)
Полно канитѣлица! (Рож.).

*) Садочикъ; по ударенію срв. въ № 353. — Ч(и) — условное напи-
саніе для согласного, средняго между ч и ч.

69. Чернобровой милой мой,
Ты постой передо мной;
Разгорыца моё сердце,—
Ты зальёшь ево водой. (Рож.).
70. Я стояла у ворот—
У зелёной краски;
Штó сказали про милóва:
Нéть на серцe ласки! (Соб.).
71. Ужь и што такой за мъседъ:
Колды свéтить, колды нéть;
Ужь и што такой за мýлой:
Колды любить, колды нéть! (Заводчина).
72. Поглежу въ стеколышко:
'дъ-ка 'сходить солнышко;
Сонцо 'сходить на тумань,—
Миль играёт на оммань. (Рож.; т. е.
съ тымъ, чтобы обмануть).
73. Понапрашну Ваня ходишь,
Понапрашну ноги гнёшь;
Ково любишь, не получишь,
Дуракомъ домой придёшь! (Юрьево).
74. Ты не стой, миль, подъ окошечкомъ,
Не выманишь меня:
Я не глупая дъвченочка,
Не выпила вина. (Заводчина).
75. Я поиль-кормиль любезную,
Всё берёгъ её себѣ;
Даставалася моя любезная
Не товáришшу, не мнѣ! (Рож.).
76. Подъ окошкомъ двѣ берёзки,
Подъ берёзкамъ холодокъ;
Меня мýлой уговаривалъ
Сыраца на лодокъ. (Рож.).
77. Кабы знала въ рѣчкѣ дно,
Я бы не купалася;
Кабы знала въ миломъ сбвъсь,
Я бы не сыгралася. (Рож.).

78. Я по жордочкѣ шла,
Жордочка-та гнёцца;
Съ милемъ лётечко гуляла,
Больше не придёцца! (Ломъ).
79. Всѣ-тѣ звёздонъки сияютъ,
А одна погасла;
Всѣ подруженьки счастливы,
Я одна злочасна. (Рож.).
80. Двѣ-тѣ сърые кукушки
Съли на нось (?) куковать;
Двѣ любезныё подружки
Стали вмѣсть тосковать. (Зав.).
81. Двѣ кокушкы скоковали
На одномъ на камешкѣ;
Двѣ миляшки сгоревали
Обо мнѣ объ дуракъ! (Лекма).
Вар.: Обо мнѣ Иванушкѣ!
82. За Дунаёмъ за рѣкой
Березку исщепа́ло;
Меня горькую сиротку
Горѣ обу́яло! (Ломъ).
83. Открой, мамонька, окошечко,—
Пушчю я лебеде́й;
Погледѣла бъ на милóва:
Съ кѣмъ любуеца теперь! (Ломъ).
84. Шаль пухова новая—
Не простишь голова.
— Голова—головушка,
Напрималася горюшка,
Горюшка великова—
Отъ милóва дикова! (Тиминцы).
85. Пойду-выйду на ледокъ—
На холодной вѣтерокъ!
Я на льдиночку *) ступила,—

*) Вар.: На ёлочку, на жордочку.—Гнущаяся жердь—символъ изъны; льдинка явилась по ассоциации съ самоубийствомъ (пролубь).—
Срв. № 104, 78.

Лыдника выгнулась дугой;
Черезъ недѣлюшку учула (узнала):
Милко ходить ко другой! (Юрьево).

86. Шла я лѣсомъ—лента вѣётъ
Алая атласная (2)
Съ другимъ играть—согласна я!
Приlestila молодца
Лучше матери-отца! (Соб.).
87. Некому такъ недосадно,
Какъ мнѣ горькой сиротѣ;
Съпля рыбоньку живую—
Стрепоскалася во мнѣ! (Лекма).
88. Судокъ—судокъ—
Солоная рыбка;
У моей у милочки
Скоро будёть зыбка.
Зыбоньку повисила,
Головоньку нависила;
Зыбочка качнулася,
Тежело здохнулося. (Лекма).
89. Полюблю дѣвчёнокъ семъ,
Дакъ я ходить буду ко всѣмъ;
Изъ семи дѣвокъ одну
Да за себя замужъ возьму! (В.-рѣчье).
90. Ужъ ты милочка моя,
Знай по голосу меня;
Што по голосу—во волосу—
По бѣлому лицу. (Ломъ).
91. Што ты, милка, зауныла,
Алі што сдѣлалось съ тобой?
Али тоска душу стубила?—
Ты откроися ангель мой! (Ломъ).
92. Изъ колодца вода лѣцца,—
Надо мной милка смѣцца! (Соболево).
93. Што ты, милка, зауныла:
Не слыхать твоихъ рѣчей (2)
Не купить-ле калачей?

- Куплю связку калачей
На шеюшку повѣшу (2)
Милую потѣшу! (Рож.).
94. Ахъ ты милочка моя,
Сдѣлай уваженіе;
Къ тебѣ буду ходить
Кажно воскресенье. (Камешница).
95. Ужъ ты милочка моя,
Какая позовѣрная!
Разъ петнадцать цоловались:
Ишо ты недовольная! (Ломъ).
96. Што ты милка дѣлаёшь;
На печѣ обѣдаёшь,—
Щи хлебаёшь изъ кутый (крупная яч-
менная крупа)
И гуляёшь безъ пути! (Лекма).
97. Не сердись, моя милая,
Што я не играю;
Придѣть холодная зима,—
Отъ тебя отстану. (Рож.).
98. Бѣленко-кудрявинкой,
Купи платочикъ (вар. конфетникъ)
аленкой! (Лекма).
99. Не играй, милой, съ двоимъ,
Не суши меня за нихъ;
Люби, миленькой, едну,
Лехче серцу моему. (Соб.).
100. Што-ты, чёрной воронъ, вѣшша
Надъ моей надѣ головой!
Што ты милка вазнаёшша,
Я топере стать не твой! (Рож.).
101. У острогу крыща нова,
Необѣлена изба;
Будёть, милка, задаваця;
Не твоя очередь! (Лекма).
102. Лошадь каря пробѣжала—
Полна луночка воды;

- Охъ ты милая моя,
Задавацца погоди!
Ты плесасть-плещи бастёнко
Посорочьи не скачи (2)
Свои ноги не коси (2)
Свою харю береги! (Лекма).
103. Не ширкай (не форен) широка рожа!
Не велика красота;
Не загадывай загадки (не угрожай на-
меками):
Не боюся я тебя! (Лекма).
104. Я по жирдочки иду—
Жирдка спогибаецца;
Ко миляжечке зайду—
Милка улыбаетца. (Лекма).
105. Совсемъ было ненасьё,
Только дожжыкъ пересталъ;
Я пришоль къ любезной въ гости,
Её дома не засталъ. (Ломъ).
106. Я по улочекъ иду
Частёхонько ступаю;
Мимо милочки иду,
Тихолѣ взыхаю.
— Ну, конечно, милки жалко,
Забывать надо тебя! (Ломъ).
107. Знаю-знаю, кто воруётъ
Чёрную смородину!
Знаю-знаю, кто цолуётъ
Милку чернобровую! (Рож.).
108. По Діевской деревни
Россыпалса песокъ;
Подарила Оля Васѣ
Въ восемь гривень поесокъ! (Лекма).
109. Милка пбесь подарила—
Коротокъ—не схбдицца;
Знать, инбова полюбила:
Долго незахбдицца (?) (Камешница).

110. Поглежу я въ чисто полѣ:
Пчёлки вьюца на пескѣ;
Два-та милыё—красивыё—
Онѣ въ горюшкѣ въ тоскѣ. (Пача);
111. 'дѣ мы съ милочкой сидѣли,
Тутъ травынка не ростётъ;
Тайны рѣчи говорили—
Алой свѣтицѣ (цвѣтокъ) не свѣтѣть.
(Ломъ).
112. Моя мила черноброда
Довела меня до гроба;
Чѣмъ до гроба доводить,
Лучше бросить—не любить! (Лекма).
113. Я умру, меня скроютъ
Во тесвой новой гробѣ;
Придётъ миленькой—поплачѣть
У моихъ холодныхъ ногъ. (Ломъ).
114. Не гледи, милка, въ окошко,
Я скучаю по тебѣ (2).
По твоей красотѣ! (Пача).
115. Не гледи, мила, въ окошко,
Чёрны брови не кажи;
Лучше выйди за вороты,
Слово ласково скажи. (Заводчина).
116. Што ты, милка, чай не пьёшь—
Алѣ любить меня не хошь?
Што милёночёкъ не вѣсель,
Што головушку повѣсили? (Сметанино).
117. Не тужи, дѣвка, по парниѣ,
Парень высохъ спотибъ (2)
По твоей красотѣ. (Рож.).
118. Ужъ ты дядя Офанасъ,
Не ходи-ко мимо нась;
Ты не ъшь конфеточки,
Не давай навѣточки! (Рож.).
119. Ты свѣтій-свѣтій свѣтлѣе,
Полунопшная земля! (?)

- Спи-ко, милка, беззаботно:
Не приду севодни я. (Кундышъ),
120. Не гледи милка въ окошко,
Я не буду почевать (2)
Провожай меня назад!
Провожала Коленъку
Въ полѣ за чесбеньку;
До чесбнин дѣ поля
Шла—руками хлопала. (Рож.).
121. Воть сказали про Кокшагу (рѣка):
По лужаечкѣ бѣжитъ;
Воть сказали про милую:
Во постелюшкѣ лежить! (Заводчина).
122. Ужъ и кто ету Кокшагу
Останавливаетъ;
Воть сказали про милую:
Оздаравливаетъ! (Зав.).
- Непремѣнныя *аксесуары игранья*—платокъ и кольца, которыми обмѣнивается „играющая“ пара. Это—символы любви.
123. Размилашка—любушка,
Дай *платка*, голубушка;
Не заботься ты обѣ ємъ:
Не замарантъ будёть онъ.
— Замараю—вымою,
Тебя на смѣхъ не выведу! (Ломъ).
124. Поглежу я въ тотъ конецъ:
Протореная тропа;
Улетѣли—улетѣли
Два коричневыя платы.
— Станѣть миленькой ходить,
Дакъ третей алой улетѣть. (Рож.).
Срв. выше № 55.
125. Милой мой—карманной воръ:
Изъ карману плать укралъ!
— Ужъ ты милая моя,
Сама руками отдала (2)
Карманнимъ воромъ назвала! (Роженцово).
Срв. № 333.

126. Я сидѣла у оконка
У розбѣтова окна;
Погледите-ко, подружки,
Во зеленѣ луга:
Идуть наши игральщики
Въ трехбовыхъ пеньжакахъ,
Несутъ намъ по колѣчику
На бѣлыхъ на рукахъ! (Зав.).
127. Лѣтъ семнадцѣти мальчишко
Сталь у дѣвишки просить:
Дай-ко, дай, дѣвченочка,
Колечишко ноносить!
— Колечишко носицца,
Назадъ не воротицца! (Рож.).
128. Потеряла я колечко
За сараѣмъ въ хмѣльникѣ;
Очутилося колечко
У милоба на рукѣ. (Пачи).
129. Потеряла я колечко
Со второва пальчикіа;
Очутилося колечко
У баскоба мальчика. (Рож.).
130. Ты туманъ-ле мой туманъ!
Парень дѣвицу ималъ (2)
Да золото кольцо снималъ. (В.-рѣчье).
130. Посмотри-ко, мамъ, въ окошко:
Кто-то тонѣть на рѣкѣ,—
Въ кашемировой рубашкѣ
И колечко на рукѣ! (Рож.).
См. ниже № 475.
- IV. Гулянья, бесѣдки, вечёрки и другія собранія молодежи**
„табуны“—арена для „игранья“.
131. Не моя ле уточка
По морю катающа;
Не моя ле милая
Въ табунѣ мышающа? (Лекма).

132. Сколько звездочек на небѣ—
Полуночной звезды нѣть;
Сколько дѣвокъ на вечерки,—
Неодной посердцу нѣть! (Камешница).
133. Со полночи (съ сѣвера) вѣтеръ дуётъ
Стало холодно въ избѣ;
Придѣть мілой на бисѣдки,—
Веселѣе будѣть мнѣ! (Ломъ).
134. Всѣ окoшечка застыли,
Одновѣтъ талбва нѣть;
Всѣ роба (парни) при собраньи,
Одновѣтъ милбва нѣть! (Уртыминское).
135. Шолъ я лѣсомъ—пѣсни пѣль,
Въ лѣсѣ раздавалося;
На туланьею пришолъ,—
Сердечко зрадовалося. (Ломъ).
136. Веселѣа сѣдни беспѣда
Меня не веселитъ;
Отговѣтъ не веселитъ:
Милка скѣса не гладитъ. (Рож.).
137. На миломъ рубашка бѣла,
Монастырской поесокъ (сѣдланній
монахинями);

Такъ и дѣлай невзамѣту:
Посиди наискосокъ. (Ломъ).
138. Вы не пейте-ко, молодчики,
Зеленоѣ вино;
Придѣть миленька въ бесѣду,
Не стыснайтѣ-ко её! (В.-рѣчье).
139. На сосновой лавочкѣ
Всѣ сидять по парочекъ;
У насъ съ тобой, вѣдь, пары нѣтъ:
Не глядѣть бы на вольной свѣтѣ! (Рож.).
140. Што у насъ-то на бисѣдкахъ
Горить лампа безъ стекла;
Приходили къ намъ робята:
Постояли у крыльца! (Ломъ).

141. Шолъ я лѣсомъ—пѣсню пѣль,
Въ лѣсѣ раздавалася;
На вечерочку пришолъ—
Милка задавающа.
— Што-ты, милка, задающа
Со своєю красотой?
Неужеле не найдѣща
Лучше гадины такой? (Камешница).
142. Ходи мілой передомъ,
А я къ тебѣ грудью (при пляскѣ);
Пушчай люди говорять,—
Што я тебя люблю. (Ломъ).
143. Поплесаѣль бы я въ присядку,—
Сапоги не гнуща;
Шаровары по петамъ:
Дѣвушки смылоща. (Лекма).
См. № 287.
144. Сѣдни ноченька темна,—
Не пойду домой една;
Дайте провожатова—
Съ таланкой, неженатова! (Рож.).

V. Подруги, товарищи, общество.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ своеобразною борьбою за любовь. Подруги и товарищи отбиваются другъ у друга игральщицъ и игралыниковъ; товарищи просто-на-просто бываютъ за хорошую милку (изъ зависти?)—№№ 151—158; другіе пользуются болѣе невиннымъ орудіемъ—сплетней, расхавая „играющую“ пару (№№ 159—162); изъ боязни той же сплетни „играющіе“ стараются скрыться отъ общества, „стыдятся“ его (№№ 163—168).— Наконецъ, каждая деревня въ цѣломъ хвалится своими красавицами и дѣвушками вообще, и ведеть за нихъ борьбу съ представителями другихъ деревень (№№ 169—182).

145. Чай пила—жара взелѣ—
Окошечко открыла;
Сама близкая подруженка
Игралишка отбила! (Рож.).

146. Ты подруженъка моя,
Головушка удалая;
Ты люби большова брата,
А я буду малова! (Ломъ).

147. Мы съ подруженъкой гуляли
Злобушки не знали;
Одново мы съ ней любили,
Дружбу потеряли.
Давай сдѣлаемъ миренъё,
Возьмёмъ въ жеребей метнёмъ;
Есь какъ (если) мнъ милой достанёца,
Не думай ты объ ёмъ;
Есь тебѣ милой достанёца,
Махну только рукой! (Ломъ).

148. Задушевной былъ товаришъ,
Съ одной ложки фль и пиль;
А тонерь то не товáришъ:
Зачѣмъ милочку отбилъ! (Лекма).

149. Ты товáришъ—ты товáришъ,
Ты товаришъ—плутинá (2)
Отбилъ шамайку у меня! (Рож.).

X150. Мнъ мальчишку бѣдному
Прилѣпіца не къ кому;
Прильпилса я къ одной,—
Отбиваѣтъ братъ роднй!
Цолно, братецъ, отбивать,
Будёмъ вмѣстѣ, братъ, гулять! (Лекма).

151. Охъ ты милая моя,
Выди на поляничку;
Пообидитъ насъ хотятъ,
Сохрани талъяничку! (Лекма).

152. Шоль зелёненъкимъ лужкомъ,
Меня кидають камешкомъ;
Хочутъ голову разбить
И съ миляшкой розлучити.

— Если кто съ милкой розлучить,
Тотъ не сто рублей получить!
Если съ милой разведѣть,
Тотъ недолго наживётъ! (Лекма).

153. 'съ товариши грозацца,
За шамайку бить хотять;
Не придѣца некому
Побить головушку мою.
— Кто головушку побѣть,
Тотъ недолго наживётъ! (Рож.).

154. Шоль я лѣсомъ—краишкомъ,—
Меня кидали камешкомъ;
Камешкомъ хотѣли убить,—
Мою шамайку сполюбить! (Рож.).

155. Ты шамаечка—шамаечка,
Веселенькой глазокъ;
За тебя, моя шамаечка,
Мнъ зѣдали разокъ! (Ломъ).
Срв. № 489.

По отношенію къ дѣвушкамъ месть
проявляется въ иной формѣ, въ традиціон-
номъ *мазаніи воротъ*.

156. Вотъ сказали про меня,
Што ворота мазаль я;
Я не мазаль, не красиль,—
Только смолу подносиль! (Рож.).

157. Што сказали про меня:
Я отчайна голова (2).
Воротечка мазаль я.

Я не мазаль не красиль,
У дѣвчёнки попросиль:
Дайко, дѣвка—дѣвчёночка,
Дай колечко поносить.
Она, шельма, не дала,
Всё дѣлечко довела! (Ломъ).

158. Лекбмскю село
На три поворота;

Всё от церкви пятой домъ—
Мазаны ворота!
Мазаны—скребены,
Сажой подчернены! (Лекма).

159. И шо сельская рѣка
Подмываѣтъ берега;
Понапрасну тебѣ, милочка,
Нахальни меня! (Ломъ).
160. Дѣвушки, не байте-ко,
Милочку не хайте-ко;
Приведу я на показъ,
Мила стоять спротивъ васъ! (Ломъ).

161. Всѣ мнѣ люди баѣли,
Всѣ милую хѣли;
Люди, не набаите—
Люблю, даѣтъ не нахалте! (Рож.).

162. Вотъ сказали про милую:
Во постелюшкѣ лежить;
Поглѣдѣль я въ воскресенье—
У воротъ мила стоять! (Рож.).

163. По большой дорожкѣ шла,
Пылью запылилася;
Хотѣла къ милому зайти,
Народу постыдилася. (Лекма).

164. Я въ солдатушки пойду,
По мнѣ поплакать нѣкому;
Родной мамонькѣ не жалко,
Милкъ совсѣмъ модей! (Ломъ).

165. Тамъ въ кончѣ большая драка:
Моевѣ миленика бѣютъ (2);
Мнѣ поплакать не даютъ! (Юрьево).

166. Мо'еть миленькой,—вертушечка!
Беззаботной онъ сталъ:

Не успѣль выйти на уличку,—
Товаришишамъ сказалъ! (Ломъ).

167. Шли съ подруженькой лугамъ,
Троицкой; привансица;
Отступись, милъ, говорить:
Вѣсточки доносяща! (Ломъ).
168. Не кокуй, кокушка, въ лѣсѣ:
Не мѣшай гриbamъ рости *);
Нынче нѣтъ такіе моды—
Дружка на домъ привести!
- Кабы мода-та была,
Дружка на домъ привела! (Лекма).
-

169. Наше полѣ съ вашимъ рядомъ,—
Наше колосистѣе;
Ваши дѣвки къ нашимъ ближе,—
Наши пофорсистье! (Лекма).

170. У насъ полюшко бугристо,
Нельзя полюшкомъ пройти;
У насъ дѣвушки форсисты,
Нельзя близко подойти! (Рож.).

171. Какъ на нашемъ полюшкѣ
Закатилось солнышко;
Закатилось столько разъ,
Дѣвчёнки *модные* у насъ!
Онѣ модны—благородны,
Не во что считаются насъ;
Мы не споримъ, что не стоимъ,
И обѣ вѣсъ не дорожимъ! (Рож.).

172. Не тресите кусть съ малиной:
Всѧ малина отпадѣтъ;
Береги, деревня, дѣвокъ;
Чужой парень увезётъ! (Лекма).

*) Есть повѣрье, что пока кукушка кукуетъ въ лѣсу, тамъ не ростутъ грибы.

173. Намъ не надо свѣчекъ сальныхъ,—
у нась ламочки горятъ;
Намъ не надо дѣвокъ дальнихъ
у нась близки хороши! (Лекма).
(Вар.: близніе сулить!).

174. За рѣкой гуси гуляютъ,—
Мы гусятинку ъдимъ;
Мы своихъ-то дѣвокъ любимъ,
На чужихъ пушнѣ гледимъ (2)
Своихъ въ обиду не дадимъ! (Рож.).

175. У Пуринцевъ *)-то въ деревнѣ
Надъ воротами горница (2)
Дѣвіцы шалабольницы. (Бибиково).

176. У Пуринскихъ-то въ деревнѣ
Всё бугры да ямы (2)
У нихъ робята все буяны! (Бибиково).

177. Киселевская деревня,
Чѣмъ она сукрашена?
— Пенями—колодами,
Дѣвченкамъ чернобровыми! (Рож.).

178. Въ Киселевской-то деревнѣ
Два колодца новыё (2)
Дѣвченки чернобровыё! (Рож.).

179. Въ Киселёвской-то деревнѣ
Два ножа булатныё (2)
Дѣвицы окуратныё! (Рож.).

180. Подъ окошкомъ виноградъ,
Кисти виноградныё (2)
Дѣвчёнки ненаглядныё! (Рож.).

181. Въ Киселевской-то деревнѣ
Всё избѣнки—шалаші (2)
За то робята хороши! (Рож.).

182. Вотъ Лекомское село,
Чѣмъ оно роскрѣшено?
— Цвѣтикамъ—букетикамъ,
Дѣвушкамъ—портретикамъ! (Лекма).

VII. Сельскимъ властямъ, при томъ самоуправствѣ, которое мы только что видѣли (№№ 151—158), дѣлать нечего; изрѣдка лишь появляются они въ частушкахъ, и то большею частію въ юмористическомъ видѣ.

183. Съ некрутами я гуляла,
Сарафанъ весь замарала;
Не хочу ево носить,—
Нойду къ старостѣ просить.
— Деревенской староста,
Розсуди, пожалуста!
— Отступись, дѣвка, просить,—
Лучше вымыть да носить! (Тиминцы).

184. Какъ за нашимъ за дворомъ
Бѣлыѣ каменъё;
Парень дѣвицу *ударилъ*:
Дѣвушка въ правленъё! (Рож.).

185. Скоро-скоро снѣгъ ростаѣтъ
Пойдѣть по Вяткѣ по рѣкѣ;
Скоро мамонки заплачутъ:
Насъ волдаты повезутъ.—
Старшина намъ не рука:
Записаль нась въ некрутѣ! (Лекма).

186. Поглежу я въ тотъ конецъ:
Старшина идѣть подлецъ (2)
Вора *писаря* ведѣть.
Вор'отъ пишеть въ три пера
Восударскїѣ дѣла;
Насъ записаетъ въ некрутѣ
На бѣдуши годѣ! (Рож.).

VII. Бракъ—пѣль игранья; общее возврѣніе на бракъ.

187. Ужъ я знала бы младенъка
Гдѣ мнѣ замужомъ бывать,—
Пособила бы свекровушкѣ *)
Милѣва одѣвать! (Ломъ).

*) Полная противоположность старинной пѣснѣ, съ ея вѣчною ненавистью къ лихой свекрови и злораднымъ золовицамъ.

188. У меня нѣть гребешка:

Нечесана головушка;
У милова есь сестра,
То—моя золбушка *)! (Ломъ).

189. Не ходите, дѣвки, въ сѣни,
Не гадаіте въ Саламбнъ (оракулъ);
У милова домикъ новой,—
Черезъ годикъ буду въ нѣмъ! (Рож.).

190. Не женись, Володенька:
Я ишо молоденька;
Милка въ годики войдётъ,
За тебя замужъ пойдётъ! (Ломъ).

191. Съ нѣба звѣздочка упала,—
Я за пьяницу попала;
Люди бають: пьяница,—
Я живу, красавица! (Соб.).

192. Поздо вечеромъ купалась,—
Не боялась комухъ:
Мнѣ въ которой домъ хотѣлось,
Не попала во снохи! (Рож.).

Прим. *Комуха*—лихорадка; мысль о самоубийствѣ послѣ несбытий надеждъ на желанный бракъ.

193. Шла къ колодчику съ водой,—
Ѣдѣть милой съ молодой;
Онь мнѣ шапочку не снялъ,
Я не поклонилася;
Ево милая супруга
Только улыбнулася. (Ломъ).

194. Избу—сѣни заперу,
Баню запечатаю;
Нековѣ недопущу,
Самъ милку сосватай! (Ломъ).

195. Давай, миленька, помолимся
На церкву—на соборъ,—

* Полная противоположность старинной пѣснѣ, съ ея вѣчною ненавистью къ лихой свекрови и злораднымъ золовицамъ.

И попросимъ мы свещнника
Обрачить насъ съ тобой. (В. рѣчье).

196. Чернобрювая шамайка,
Молись Богу за меня;
Отъ солдатства Божъ избавить,
Возьму замужъ за себя! (Рож.).

197. Давай, милка, сдѣламъ клятбу,
Перемѣнимся кольцомъ;
Не со мной будешь вѣнчаница,
Трбю (трижды) сплачёшь подъ вѣнцомъ! (Ломъ).

198. Ты прошай, не скучай:
Можетъ воротюся;
Я ковда приду домой,
На тебѣ женюсь. (Лекма).

199. На горѣ-то градъ идѣтъ,
Подъ горой сливающа;
Моя милка безъ колопъ
Замужъ нарежающа. (Камешница).

200. Жалко-жалко шарика,
Пѣ полу катаччя;
Жалко-жалко мѣшъ милые:
Замужъ нарежаччя! (Лекма).

201. Сколько я не сваталса,
Сколько не старалса,—
Всѣ труды мои пропали:
Съ миленькой розсталса. (Камешница).

202. Вѣтеръ дуетъ въ тотъ конецъ,—
Везутъ милу подъ вѣнецъ;
Вѣтерокъ мѣшачца,—
Миленька вѣнчачца;

Вѣтеръ дуетъ вдоль конца,
Везутъ милу отъ вѣница;
Вѣтеръ дуетъ во столбы,—
Везутъ милу во столы (свадебный пиръ).—Рож.—

203. На горѣ-то калина,
Подъ горой-ту вишня;

Я которую любилъ,—
Та-та замужъ вышла! (Кам.).

204. Погледите-ко, ребята:
Зёлень садъ качаецца;
Отворю я двери въ церквовъ;
Милочка вѣнчаетца (2)
Колечкомъ обручаеща. (Ломъ).

205. Розставался я съ милой
На машинѣ паровой;
Всю дороженьку проплакалъ,
Бѣлымъ ручкамъ промахаль;
Свою милку не просваталъ,—
Всё я счасъё потерялъ! (Рож.).

206. Ты играй, моя талынка,
Ковда трешницу дана;
Веселая была милая,
Теперь замужъ отдана! (Ломъ).

207. На качель я качалса,
На сосновой тюлечкѣ;
Мою милку отдаютъ;
Не протті по улочкѣ (стыдно: смѣют-
ся).—Ломъ.—

208. Въ чистомъ полѣ рой роища,—
Я пойду да раззорю;
Хочѣть миленькой женищи,—
Я пойду разговорю! (Рож.).

209. Ты лѣсная дика утка,
Сѣла на осинушку;
Не женись-ко иончѣ, милой,
Ногуляй-ко зимушку! (Ломъ).

210. Ахъ голубушка—лебедь бѣлая,
Миѣ женища не вѣльла;
По головкѣ гладила,—
Въ офицеры ладила! (Камешница).

211. Погодите, не рубите
Садовую елочку;

Дайте годикъ ногулять
Моѣмъ миленочку! (Ломъ).

Прим. *Рубить дерево*—пѣсенный сим-
волъ сватанья.

212. Костя мѣлой—Костя милой,
Не жените Костю силой!
Дайте Костѣ милому
Невѣсту выбрать самому! (Соб.).

213. Во саду-ли въ огородѣ
Сосенка сломилася;
Дѣвка замужъ захотѣла,—
Нарю поклонилася. (Кам.).

214. У меня усы засѣли (?),
Какъ у сѣрова кота;
Дѣвки замужъ захотѣли,
Какъ парнѣва молока! (Лекма).

215. Милочка фортбовая,
Скажи, любиши каторова?
Я любила фершала,—
Своё сердцо тѣшила;
Я любила для тово,
Штобъмъ выйти за нево. (Рож.).

216. Отсѣйтѣ—отрубйтѣ
Мою голову по плец(ч)ѣ;
Отнесйтѣ—положйтѣ
Ко милёнку на крылѣ.
— Я не пойду въ тотъ конецъ
Не по телять не по овецъ,—
Избесчестилъ меня дѣвицу;
Посваталъ да вдовецъ! (Лекма).

217. Не пойду я за вдовца,
Пойду за солдата;
У солдата два ума,—
Поди, родимая, сама! (Лекма).

218. Какъ подъ мостомъ на рѣкѣ
Солдатъ править въ челиокѣ;

А въ кустахъ дѣвка сидѣла,
На солдатика гледѣла:
— Эй солдатикъ, огленись,
Полюби меня—женичись! (Камешница).

219. Не ходите, дѣвки, замужъ,
Не хвалите бабью жись:
Худой мужъ навяжеща,
Дологъ вѣкъ покажеща! (Лекма).
220. Не ходите, дѣвки, замужъ,
Не теряйте красоту;
Замужъ выдѣшь, горя прымѣшь,—
Всѣ пришѣвочки спокинѣшь.
— Кака кляча достанѣща.
Дологъ вѣкъ покажеща! (Рож.).
221. Юбка—юбка коленкоровая!
Я тебя ли, юбка, въ дѣвкахъ берегла;
Замужъ вышла,—
На пеленки прирвала! (Соб.).
222. Еку маленьку—молоденьку
Поставлять подъ вѣнецъ;
Проишайте, тятенъка и маменька,
Гулянъцу конецъ! (Ломъ).
223. Вы не лейте, не спѣшите,
Золото кольцо къ вѣнцу;
Вы изладьте—приготовьте
Черной гробикъ: въ нѣмъ помру!
(Ломъ).
224. Подсочаю—подсочу
Горькую осину;
Погуляю похожу
Нонѣшнюю зиму! (Лекма).
Прим. Подсоча́ти дерево—стесать у него часть коры, чтобы дерево подсыхало; приготовить къ рубки. Рубка—символъ сватанья (см. № 211); тоже значение имѣть и подсачивание.

225. Подсочаю—подсочу
Зеленую сосну;
Погуляю—похожу
Нонѣшнюю весну. (Лекма).
Прим. Женитьбѣ, какъ и солдатчинѣ, предшествуетъ продолжительная гульба.

226. Жалко-жалко поеска:
Шолквой износилса;
Жалко-жалко мнѣ дружка:
Молоденькой женился! (Рож.).

227. Поженили тятъка съ мамкой
Молодова парня;
Поженими,—погубили
Молодыё юды! (Лекма).

VIII. Столкновенія съ родителями по вопросу о бракѣ.

228. Я стояла у рѣки,—
Спало кольчико съ руки;
Улетѣло далеко,—
Въ синѣ морѣ глубокѣ *).
Какъ ко мнѣ ко младѣ
Сваты сватающца;
Тятя баѣтъ: отадимъ,
Мамка баѣтъ: погодимъ!
Я сказала на отвѣтъ:
Тебѣ дѣла, матери, нѣтъ! (Тиминцы).

229. Надо подъ гору спустицца,
Быстру рѣчку перейти;
Надо маменьки спросицца:
За каторова имти? (Лекма).

230. Ставь-ко, мама, самоваръ,
Золотые чашки;
Приведу я гости къ вамъ
Въ вышитой рубашкѣ.

*) Кольцо, конечно, отдано миленику (срав. №№ 126—130); отъ миленка же пришли и сваты сватать.

— Потчуй, мама, потчуй, тятя:
Это гост'еть дорогой (2)
Скоро зять будёт родной! (Ломъ).

231. Руби—руби, тятенька,
Куды дерево клонища!
Выйдай—выдай, тятенька,
Куды замужъ хочеца;
— Не въ деревню, не въ село,
А за милова свое! (Лекма).
Срв. № 211 и 224 (рубить—сватать).

232. Сошью платьё бардое
И стану подъ вѣнецъ;
Не съ помыслымъ поставяль,—
Съ головы сшибу вѣнецъ! (Ломъ).

233. Што ты, мама, рано ' стала,—
А'лой свѣтицъ сорвала?
Не дала дома нажища,
Въ чужи люди отдала? (Ломъ).

234. Тятѣ съ мамой досажу,
Сама ко Троицѣ рожу (2)
Миленка въ нянѣки посажу.
— Погледите, мать—отецъ,
Какая нянѣка молодецъ:
На правой ножкѣ лямочки *),
Во рукахъ тальяночка! (Соб.).

235. Посылала меня мать
Во большой Убрѣнъ **) гулять;
Поди, сынушко, гуляй:
Себѣ невѣсту выбираи! (В.-рѣчье).

236. Я послѣднѣ времечко
Съ дѣвушкамъ гуляю;

*) Чтобы можно было, качая ребенка, заниматься какимъ-либо другимъ дѣломъ, — отъ зыбки проводятъ особую лямку, которую надѣваютъ на ступню ноги.

**) Сосѣдняя деревня.

Поженіть меня хотять:
Плохо работаютъ. (Лекма).

237. Запреги-ко, тятя, лошѣдь:
Я хоть покатаюся;
Спожені-ко, тятя, мѣня:
Я давно шатался. (Заводчина).

238. Запрегай-ко, тятя, лошѣдь,—
Сивую—косматую;
На примѣтъ есь девоченка,—
Я её посватало.—

- Милку сваты сватали,
Мени подъ лавку спрятали;
Я подъ лавочкой лежу
На матанечку глекжу! (Рож.).

239. Ужъ ты тятка—тятка мой
Сѣдь—подумай-ко со мной (2)
Возьми милю за меня.

- Ежли милю не возьмёшь,
Я не пахарь буду твой
Не метальщикъ стоговой,
Не носильщикъ луговой! (Соб.).

240. Заведи мнѣ, тятя, обиову,—
Колокольчикъ на дугу;
И побѣдмъ съ тобой сватать—
Я которую люблю! (Лекма).

241. Купи, тятенька, коня:
Я буду катаца;
Жени, мамонька, меня:
Не буду шатаца! (Ломъ).

242. Вы наштѣ меня женили,—
Коней пару мѣли?
Вы наштѣ такую брали,
Кую люди хадили?

- Не води такую въ домъ:
Я не буду жить ладомъ! (Пачи).

Срв. ниже № 492.

IX. Отцы и дѣти. (Общія отношенія родителей и дѣтей).

Здѣсь иѣсколько преобладающихъ мотивовъ. Сироты „жалятся“ о своемъ спротствѣ; играющая пара скрывается отъ своихъ строгихъ родителей; послѣдніе журяты и даже бываютъ первыхъ; другого рода родители даютъ слишкомъ много „воли“— „распускаютъ“ своихъ дѣтей.

243. Хорошо тому гулять,
У ково родная мать;
У меня у молодца
Не родна—мачиха:
На вечёрку не отпустить,
Дома воли не даётъ....

Сѣду я къ окошечку,
Сѣду я къ косыншому;
Здумаю про с醜очки
Сани—самокаточки (2)
Такъ и сами катяца;
Здумаю про мамоньку,—
Такъ и с醜о плачёца.—

Пойду съ горя на могилу,
Розбужу родную матъ:
Охъ ты тятка, охъ ты матъ,
Помоги мнѣ горевать (2)
Какъ солдатства миновать! (Лекма).

244. Хорошо тому гулять,—
У ково родная мать;
У меня у молодца
Нѣть не матери ни отца! (Ломъ).
См. ниже № 425 и прим. къ нему.

-
245. Кабы тятенка не пьяница,
Дакъ было бы не то:
Сшила бъ платьеце съ оборочкой
И въ талію пальто! (Тиминцы).
-

246. Какъ у нашихъ у воротъ
Леденокъ не таѣть;
Милой ходить третей годикъ,—
Мамонька не знаѣтъ! (Зав.).

247. Хорошо было сидѣти
Съ милкой на заваленкѣ,
Хорошо было смотрѣти
Изъ окошка мамонькѣ! (В.-рѣчье).

248. Подъ окошкомъ есь озёрко,—
Полнѣ воды стоитъ;
Меня тятенка родимой
За любовь больно бранитъ. (Ломъ).

249. Дѣвки ой—дѣвки ой!
Милой помираѣть;
Я хотѣла заревѣть,—
Мама заруаѣтъ! (Лекма).

250. Чернобровой милой мой,
Закоряйтъ меня тобой!
— Лучше хлѣбомъ не корми,
Чернобровымъ не кори! (Лекма).

251. Милой мой, бѣда съ тобой:
Послѣдній годъ коряйтъ тобой;
Тебя на осень забрѣютъ,
Меня замужъ выдадутъ! (Рож.).

252. Меня мамонька порбла
Со берёзки прутикомъ;
Не велѣла мнѣ гулять
Съ молоденъкимъ пекрутинкамъ:
Съ некрутамъ сыграѣши,
Горя напримаѣши! (Рож.).

253. Болить сердцо и печёнка,—
За рѣкой живѣть дѣвчёнка;
Она моя сладкой мѣдъ,
Поцолуѣть обоймѣть (2)
Не боица: матъ побѣдѣтъ! (Соб.).

254. Шель я полѣмъ молодецъ,—
Бѣтъ шамаечку отеузъ;

- Пару—две рублей даю:
Не бей шамаечку мою! (Ломъ).
255. По Терехинской деревиѣ
Летить стадо лебедей;
Хоть ты мамонька убей,—
Не лишусь такихъ людей! (Лекма).
256. Мамонька, предъ старостью
Не оставь безъ жалости!
— На вечерку не отпустить,
Дома воли не даётъ! (Лекма).
257. Наши судять непорядки,—
Хочутъ дома удержать;
Наше дѣло холостое:
Намъ охота погулять! (Ломъ).
258. Попросила я у тятеньки
Суконнова пальта;
Посудилъ радушникъ—тятенька
Ременнова кнута! (Ломъ).
259. Какъ за рѣчку большой мость,—
Бароши катаюца;
Проиграѣмъ денежки,—
Родители ругаюца! (Лекма).
-
260. За овиномъ кустъ съ малиной,—
Вся малина просвѣла;
Не сама избаловала,—
Мамка вѣлюшку дала (2)
- Дружка на домъ привела;
Самоваръ поставила,
Густо чай запарила. (Соб.).
261. А спасибо материамъ:
Дали волю дочерямъ (2)
Што гулять по вечерамъ.
— Какъ сумеречки взойдутъ,
Дѣвки по воду идутъ (2)
По соколику ведутъ. (Кан.).

262. Мама, горѣ! мама, горѣ:
Подъ окошкомъ стоять двоё *);
Мама, горю помоги:
Сходи—Колю проводи! (Лекма).
263. Мама—мама, кончено:
Пропадаѣтъ кольчико—
Съ середнёва пальчика,
У баскёва мальчика! (Соб.).
264. Горе—горѣ, мамонька,
Я родилась маленька;
Маленька—молоденька,
Какъ чёрная смородинка.
— Я родилася въ лѣсу,
Пригодилася молодцу! (Пачи).
265. Не стели, мама, постелю:
Я не стану дома спать (2)
Пойду къ милѣвъ ночевать! (В.-рѣчье).
266. Налевай, мати, вина:
Сполюбила игрока;
Игрока изъ-за рѣки,—
Отдала кольцо съ руки!
— Ты отдай кольцо назать:
Родной мамкѣ показать! (Лекма).
267. Купи, мамонька, на платьё
Шелку бѣлова съ свѣтамъ;
Полюбила брата малова
Съ серебренымъ чесамъ! (Ломъ).
268. Заведи мнѣ, тять, тальянку,—
Я хоть пошатаюся;
Ты купи мнѣ, тять, лошадку,—
Я хоть покатаюся.—
— Вдоль деревнишки проѣду,
Лошідь пущче снарежу;
Ко миляжечкѣ заѣду,
На неё хоть поглажу! (Лекма).

*). Т. е. нужно „проводить“ обоихъ.

269. Охъ ты дочи—дочинька!
'дѣ ты, дочинька, была?
Вся ты оммочилася;
Я у дяди на гумнѣ
Ко грамотѣ училася! (Лекма).

270. Гуляй, дочи, до полночи:
Я сама была така (2)
До полночи гулѣла! (Ломъ).

X. Солдатство—другой, послѣ брака, невольный конецъ „игранья“. Пѣсни рекрутовъ, равно и ихъ любезныхъ, проникнуты глубокимъ, безъисходнымъ горемъ, которое лишь на короткое время заливается виномъ и залихватскимъ разгуломъ.

271. Ты играй—играй, тальянка,
Покудъ (покуда) не разбитая;
Ты гуляй, моя головка,
Покудъ не забритая!
— Когда голову забрѣютъ,
Всю любовь тогда отнимутъ. (Лекма).

272. Поиграю—покучу
Послѣднѣё лѣтчко;
Неужеле не кипитъ
У милочки сердечюшко? (В.-рѣчье).

273. Погуляйтѣ, некрутѣ,
Буйныё головушки;
Не видать четыре года
Своей сторонушки!
— Погуляйтѣ, некрутѣ
Пока воля не снятѣ;
— Когда волюшку снимутъ,
Вась въ солдаты отдадутъ! (Лекма).

274. Отошла мнѣ та охота—
Пѣсни пѣть, игры играть;
Ошно пришла мнѣ та забота—
Тужить—плакать—юреватъ! (Ломъ).

275. Скользь, головка, не гуляй,
За Дунай дорожку знай;

За Дунаёмъ—за рѣкой,
Нѣту мамоньки родной!
— Кабы мамонька была,
Службу лёхкую дала;
Кабы сестрица была,—
Вышла 'стрѣтила меня! (Ломъ).

276. Отворяй, мама, ворота:
Чадо милоѣ идѣть;
Пронушай, мама, сыночка,
Во послѣднѣй разъ идѣгь (2)
За собой гостей ведётъ! (Кундыши).

277. Мамонька родимая,
Спожалѣй одінова (однажды);
По головушкѣ ногладь,
Во солдатушки наладь! (Лекма).

278. Мать ты моя матушка,
Мати сизая лебедушка,
Ты не знаѣшь моё горюшко,
А моё горѣ великая бѣда—
Отдаютъ меня въ солдаты молодца!
(Лекма).

279. Ахъ ты милочка моя,
Глянь въ окошко на меня (2)
Много горя у меня (2)
Во солдаты принять я!
— Насъ въ солдаты отдадутъ,
Да тебя замужъ увезутъ!—
Не хотѣль бы я въ солдаты,—
Крайня очередь моя:
У большбова брата дѣти,
У середнѣва жена (2)
Да замѣштить меня нельзѧ! (Лекма).

280. Голова ты голова,
До чево ты довела;
До худыё славушки—
Повезли въ солдатушки! (Лекма).

281. Я послѣднѣй дѣвки разъ
На вечёрочекъ у васъ;

При послѣднѣмъ времечкѣ
Подержаль въ беремечкѣ (въ обѣяті-
яхъ; Лекма).

282. Погуляёмъ, братъ Олѣша,
Мы послѣдній вѣчерокъ;
Разобѣмъ городъ Саратовъ,
И за то въ Сибирь пойдёмъ.
— Мы Сибири не боимся,
И въ острогъ не попадѣмъ.
— Извъ острогу вырвалса,
Со любезной свидѣлса! (Лекма).

283. Берегись, богачи,
Нишшота гуляётъ!
Не уважу богачу—
Прямо въ морду закачу! (Лекма).

284. Ненаглядную свою
Рѣбить (работать) не заставлю;
Во солдатушки пойду,—
Дома не оставлю! (Камешница).

285. Я милашку свою
Напоруки отдаю;
Напоруки—брату въ руки,—
Самъ въ солдатушки пойду! (Кам.).
Прим. Женскія пѣсни о солдатствѣ см.
въ слѣдующей главѣ (№№ 302—310).

XI. Разлука милыхъ.

286. Што ты, миленькой, скучаёшь
И качаёшь головой?
Алѣ сердцо твоѣ слышить
Намъ разстancoчки съ тобой? (Рож.).

287. Неужеле ты споянёшь,
Въ полѣ аленъкой цвѣтокъ;
Неужеле ты спокинёшь,
Коля миленькой дружокъ? (Лекма).

288. Поглежу въ оконшко съ горя:
Не пловѣть ле лодка съ моря;

Пловѣть лодка съ чёрнымъ кругомъ,
Розстаюся съ милымъ другомъ!
(Кундыши).

289. Неужеле не сольёцца
Съ горь не скатицца вода *)?
Неужеле не спомянётъ
Меня милой некогда? (Кундыши).
290. 'дѣ-ка милёва не стало,
Туть печально домъ стоять;
Всѣ оконшечки застыли,—
Не въ которо не глядить! (Кундыши).

291. Неужеле ты потонёшь,
Бѣлый плáтицъ на водѣ?
Неужеле миль забудёть
На чужой на сторонѣ? (Соб.).

292. Не отъ солнца снѣжки таютъ,
Отъ зелёнова лужка;
Слава Богу, привыкаю
Жить безъ мѣлова дружка! (Рож.).

293. Растанлайся, моя печь,
Безъ лучинушки—безъ дровъ **);
Оставайся, моя милая,
Безъ кручинушки—безъ слёзъ! (Рож.).

294. Са'дни печку истопила
Безъ лучины,—палочкамъ;
Послала дружку поклонъ
Со летучимъ галочкамъ! (Кундыши).

295. Пойду въ лѣсь я по малину,—
Волки воютъ на горѣ;
Не тоскливо ле милому
На чужой на сторонѣ? (Рож.).

296. Неужеле не солью я
Мѣдный колокольчикъ?
Неужеле не пошли я
Милому поклончикъ? (Соб.).

*) Разливъ воды—символъ горя.
**) Жарь—цѣспенный символъ жалости, любви; срв. № 56, 58, 294.

297. Бѣлокрылая сорока,
Научи меня летать;
Недалѣко отлетѣть—
На милбва поглѣдѣть! (Кундынгъ).

298. Ты розсизой голубокъ,
Отнеси дружку платокъ (2)
Спротивъ сонца на востокъ!

— Если примѣтъ онъ любя,
Подержалъ бы у себя;
Есь какъ (если) примѣтъ непріятно,
Посылай платокъ обратно! (Ломъ).

299. Сколько разъ изъ за васъ
Слѣзы пролеваю!
Я обѣ миленькомъ дружекъ
Часто 'споминаю! (Лекма).

300. Скоро—скоро снѣгъ ростаѣтъ,
Скоро свѣжой нападѣтъ;
Скоро—скоро миль прибудѣтъ,
На бесѣдочки пойдѣтъ! (Рож.).

301. Неужеле это я
Пивомъ опилася?
Неужеле это я
Милбва дождалася! (Рож.).

302. Тыничужка—лѣхки крылья,
Не летай-ко высоко!
Моево дружка забрѣютъ,—
Ево вышлють далеко! (Ломъ).

303. Пойду въ лѣсъ я—пойду въ лѣсъ
Наломаю чаю;
Поведутъ дружка въ солдаты,—
Я причеты *) знаю! (Рож.).

304. Коля, пей—Коля, пей!
Коля, не спивайся!

*) Существуетъ обычай—сь воемъ причитать, при провожаніи
некрутовъ, ихъ роднымъ; подобнымъ же образомъ причитаютъ надъ
покойниками, да еще—невѣста передъ выходомъ замужъ.

Повезутъ тебя въ солдаты,
Коля не давайся! (Лекма).

305. Миѣ не жалко камешка—
По полу катаетца;
Жалко милова дружка—
Въ солдаты нарежаетца.
— Походили ноженъки
По большой дороженькѣ!
Поглѣдѣли глазонъки
На хорошихъ дѣвушакъ! (Кам.).

306. Полно, миленька, тужить,—
Не одинъ поду служить;
Подѣтъ Мишка, подѣтъ Гришка,
Подѣтъ дядюшка Тарасъ (2)
Наберѣцца много настъ! (Пачи).

307. Што въ Еранско-то *) дорожка
Вся слезами залита:
По нѣй везены некрутатъ,—
Онъ въ разны города! (В.-рѣчье).

308. Мимо нашево окошечка
Проѣхалъ становой;
Подаль кучерь мнѣ росписочку;
Забрѣтой милой мой! (В.-рѣчье).

309. Отдадутъ дружка въ солдаты,
А мнѣ дѣвушкѣ куды?
— На рѣкѣ широка проблубъ:
Суну голову туды! (Соб.).

310. Сколь я Богу не молилася,
Всё за каменной стѣной (въ монастырѣ)
Сколь у Бога не просила,
Штобы миль домой пришелъ! (Ломъ).

311. Вы слетайтесь мелки мташки **)
Соловьи—воробышки;

*) Г. Яранскъ.

**) Пташки; въ рукописи одного мѣстного грамотея *мташки*.

- Я сокрою, мальчикъ, глазки
Со своёй сторонушки! (Ломъ).
312. Нѣть на свѣтѣ горя болѣ,
Какъ милую наживать;
Нѣть разлуки тежелѣ—
Отъ милые отставать! (Ломъ).
313. Розыграйсь, моя талъяночка,
И воспой какъ соловей!
Съ роду милочку не брошу,
Хоть родная мать убей! (Лекма).
314. Слава Богу, призаносить,
Только дожжычку пролить,
Што нашлись такіё люди—
Хотять съ милой разлучить! (Ломъ).
315. Неужеле, травонька,
Да въ полюшкѣ останёшша?
Неужеле, миленька,
Да мы съ тобой разстянемся? (Ломъ).
316. Заростаѣтъ—заростаѣтъ
Моя старая тропа;
Спокидаѣтъ—спокидаѣтъ
Моя прежняя милá! (Зав.).
317. Неужеле ты сповянёшь,
Травонька шелкбвая?
Неужеле ты спокинёшь,
Дура безтолковая? (Рож.).
318. Сколь на жнившкѣ не стой,
Надо наклоняцца;
Сколь любезну не люби,
Надо розставацца! (Ломъ).
319. Перелѣтова (вар. горемычная) пичу-
шечка,
Не ты ли мнѣ сестра?
Раньше не было кручинушки,
Не ты ли принесла? (Ломъ).
320. Прощай, городъ Барнаулъ,
Съ высокими горами!

- Прошай, милая моя,
Съ чёрными бровями! (Кам.).
321. Ты играй—играй, тальянка,
Со свисками широкб;
Провожай, моя милая,
Со слезами далеко! (Лекма).
322. Прошай, слободá—
Широкая улица;
Прошай, моя милá,
Дорогая—умница! (В.-рѣчье).
323. Охъ ты милочка моя,
Не влюбляйся въ кажнова;
Станёшь кажнова любить,
Стану по мордѣ водить! (Лекма).
Срв.: № 102; грубости нравовъ въ на-
родѣ еще не мало. (См. № 348).
324. Не 'здыхай-ко, душа Маша,
Не 'здыхай-ко тежело!
Ну, конечно, милки жалко,—
Забывать надо ёё! (Ломъ).
325. Розсыхалися ведеречка
Во банѣ—во пару;
Розставалися мы съ милочкой
Во ионѣнѣмъ году! (Ломъ).
326. Што ты, милка, по мнѣ плачёшь,
Али я тебѣ родной (2)
Оставляешь сиротой.
— Сиротинку бѣдную
Приголубить нѣкому;
Приголубьте кто-небудь,
Принакройте бѣлу грудь! (Рож.).
327. Сохпѣть—вянѣть—спосыхаѣть
Подкошоная трава;
Съ тоски—съ горя спомираю
По тебѣ любезная! (Ломъ).
328. Неужеле пересохнѣть
Наша матушка Тура?

Неужеле моя милка

Выйдётъ замужъ безъ меня? (Кам.).

329. Сколь кокушка не кокуётъ;
Перестанётъ коковать;
Сколь милашка не тоскуётъ,
Перестанётъ тосковать! (Кам.).
330. Березенка бѣлая
Стоючій нагнулася;
Здумаю про милую,—
Тежелъ здохнулся! (Рож.).
331. Здумая про саночки—
Каковѣ каталися;
Здумаю про милочку—
Черезъ ково разсталися! (Ломъ).
332. Спомни, милочка—голубка,
Какъ ходиль я за тобой;
Ночи тѣмныё—осённы
Всѣ прогуливаль съ тобой! (Ломъ).
333. Спомни, милочка мой,
Какъ конфеточки брала (2)
Платочикъ въ руки отдала! (ib.).
334. Дайте—дайте два пистона—
Розстрѣляю грудь свою;
Я и тѣмъ буду доволенъ,
Што отъ милыя умру! (Ломъ).
335. Черезъ быстру рѣченъку
Подай, мила, рученьку;
Черезъ тѣмнинъкой лѣсокъ
Подай, мила, голосокъ;
Черезъ свѣтло полюшко
Подай, мила, горюшко! (Пачи).
336. Не моя-ле лѣточка
По морю катаѣцца;
Не моя-ле милая
Взамужъ собираѣцца? (Лекма).
337. Не моя-та ле поляна
Въ полѣ негорожена?

Не моя-та ле милая
Вмѣстѣ похоронена? (Лекма).

338. Ужъ ты милая моя,
Похудѣла безъ меня!
— Тосковала по тебѣ—
По твоей красотѣ! (Рож.).
339. До Казани мальчикъ ѿхалъ,
Всѣ по милкѣ слёзы лилъ;
За Казань перевалиса,
Свою милку позабыль! (Ломъ).

XII. Присуха, вѣра въ приворотныя средства, ворожбу и т. п.
еще не рѣдки въ нашихъ пѣсняхъ.—Но, за рѣдкими исключѣніями, это простое сохраненіе, по традиціи, старинной терминологіи; на дѣлѣ, вѣра въ присуху среди молодежи рѣдка.

340. Я ходила—я гуляла
Вдоль зеленова лужка;
Я такой травы искала,
Штобы высушить дружка! (Кундышъ).
341. Бѣлую берёзоньку
Люблю я огораживать;
Люблю красивѣе себя:
Придѣца привораживать! (Соб.).
342. Шила—шила, швейку брому:
Не сидѣть-же миѣ одной!
Возьму карты—погадаю,
Съ кѣмъ садица милой мой. (Кундышъ).
343. Въ чистомъ полѣ зеленѣеть:
Што небудь посѣяно;
Што-то милка не играѣтъ:
Што-небудь подълано! (Рож.).
344. Лѣтъ семнадцѣти дѣвчёнка
Хочѣтъ высушить меня (2)
Сушѣе лукова пера:
— Она повыведѣтъ румянчики
Изъ бѣлова лица! (Рож.).

345. Всѣ дѣвчёнки собралися,—
Одна въ кофѣ въ красненькой;
Ёй цыганка ворожила:
Не бывать за Васенькой! (Лекма).

XIII. Новая, городская культура присутствует, хотя бы и рядомъ съ присухой, во всемъ своемъ блескѣ—начиная отъ тальянки (гармоники) и папирочки до телеграммы включительно.

346. Посмотрите-ко, дѣвчёнки,
Кто-то тонётъ на рѣкѣ—
Въ бѣлой вышитой рубашкѣ
И тальяночка въ руку! (Соб.).

347. Ты играй—играй, тальянка
Трёхрублёва со сътамъ;
Провожала любезнѣа
На работу со слезамъ! (Соб.).

348. Во моей ли горницѣ
Выбиты окольницы;
Ихъ не вѣтромъ и не градомъ,
Выбиль милой кулакомъ (2)
Побѣжалъ домой бѣгомъ.
— Проступилъ въ ямочку,
Изломалъ тальяночку:
Изъ Казани, вѣдь, она,
Петдесятъ рублей дана! (Кам.) *).

349. Миѣ не дороги чеснѣ,—
Дорога цыпѣчка;
Какъ моя-та ле милая—
Што попѣва дочка! (Соб.).

350. Парадоѣ бѣжитъ, Аниота,—
На нѣмъ розовы каюты;
Парадоѣ бѣжитъ парами—
Жегулевскими горами! (Соб.).

351. Распроклятая машайна,
Куды Колю уташила?

Распроклятой парадоѣ,
Куды Колю уволокъ? (Лекма).

352. Распроклятая машайна,
Зачѣмъ милку уташила?
Провожала—жалко стало:
Стою—плачу у вокзала. (Соб.).

353. Охъ ты милка—цвѣтоц(ч)екъ,
Погледи во слѣдоц(ч)ёкъ!
— Ты пойдёшь, милъ, домой
На машину паровой;
На машинѣ шешь колёсъ,—
Машиненокъ (машинистъ) чистой пёсъ!

- (Лекма).
354. Ты капуска моя—
Зеленоѣ лісьё;
Тебя любить мужики,
Меня машинисты! (Лекма).

355. Не хочу я чаю пить,—
Чашечку оставлю;
Не буду я дружка любить:
Подруженку заставлю! (Ломъ).

356. Погледите-ко, дѣвченки,
Съ огорода на рѣку:
Ишо нашимъ-то робятамъ
Везутъ баржу табаку! (Рож.).

357. Покуриль-бы табачку,—
Нѣтъ такой бумаги;
Погледѣль бы на народъ,—
Нѣть моей миляшки! (Лекма).

358. Попиросяча съ духамъ
Роскурілася сама;
Одна дѣвица бойчакъ
Въ хороводъ плесать пошла! (ib.).

359. По базару милка шла,—
Помады баночку нашла;
Пусть милёнокъ мажецца,
Ко другой не вѣжѣца! (Лекма).

* Срв. ниже № 498.

360. Черезъ рѣчку—черезъ Камку
Подай, милка, телеграмку;
 Черезъ тѣмнинькой лѣсокъ
Подай, мила, голосокъ! (ib.).

XIV. Костюмъ.—За рѣдкими исключеніями, молодежь франтитъ и модничаетъ во всю.

361. Хорошо въ лаптяхъ ходить,—
 Трудно обуватца;
 Хорошо дѣвчать любить,—
 Трудно разставатца! (Ломъ.).
362. Миленькой—терезовой
 Въ рубашкѣ бѣлорозовой;
 Подъ низомъ малинова,—
 Три года три мѣсѣца не мѣвана! (Соб.).
363. Не форси, милёночекъ,—
 Не высокъ твой домичекъ;
 Я во домикѣ была,—
На столѣ одна вода! (Рож.).
364. Не форси, милёночекъ,—
 Збѣря наобѣдаешь;
 Поглажу я въ воскресеньѣ
 Съ трёмъ котомкамъ бѣгаешь! (ib.).
365. У Мишутки зонтикъ есть,—
Дома нѣчево попсы;
 На бѣлой груди чесы,—
 Сѣсть нечѣмъ полосы! (Рож.).
366. Есть талъяночка—чесы,—
 Нечѣмъ сѣсть полосы;
 Сименную рожь ёдимъ
И подать неплаченая! (Лекма).
367. Ахъ ты Ваня—Ванечка,
 Ты, вѣдь, мнѣ не парочка;
 У тебя чесы—колоши,
 У меня платочка нѣть! (Лекма).
368. Семьсотъ попирось:
 Накурѣцца можно:
Мо-ѣть милой безъ колоши,—

- Нагледиця можно!
 — Я колоша не ношу
 И милочки не тачу (не вѣлю);
 Я во горенкѣ лежу,
 Объ миляшкѣ плачу! (Лекма).

369. Онъ хорошъ—онъ хорошъ:
Онъ не ходитъ безъ колоши;
 Зимой катаны колошки,
 Лѣтомъ лаковые! (Лекма).
370. Шила желтой сарафанъ
 Съ чёрной оторочкой;
 Не придѣть-ле мой милый
 Сѣдни вечерочкомъ? (Кундышъ).
371. За угбромъ—за уваломъ
 Теребили дѣвки лѣпъ;
 Теребили—говорили:
 Нынѣ замужъ непойдёмъ (2)
 Всѣ по кофтѣ заведемъ:
Кофточки въ обтяжечку,—
 Ремешокъ не сходицца. (Лекма).

372. Сошью кофточку на ватѣ,
 А другу на пачеахъ;
 Одново люблю въ колошахъ,
 А другова при чесахъ! (Рож.).

373. Сошью кофточку на ватѣ,
 А другую на мѣху;
 Одново люблю для славы,—
 А другова для смѣху! (Рож.).

374. Попироска горькая,—
 Моя милка бойкая;
 Бойкая—удалая,—
На нѣй кофта алая;

- Алая строченая,—
 Шельма поученая! (Ломъ.).

375. На коричневомъ запонѣ
 Голубые пѣтухи;
 Долго вечеря гуляла,—
 Вотъ сказали пустеки! (Кундышъ).

376. На коричневомъ запоинѣ
Голубая полоса;
Ты носи—носи, милёночекъ,
Подъ польку волоса! (Кундыши).
- (Вар.: На моёмъ-то на любезному
Разрусыё волоса!).
377. Моя милка дѣльная,
По деревнѣ первая (2)
По селу фартбвая! (2)
- Укажи, которая.
- Вонъ 'дѣ-ка на кончикѣ,
Въ голубомъ запоинчикѣ! (Кам.).
378. Я надѣну платьё ало,
Штобы сердцо не скучало;
Я надѣну платьё бѣло,
Штобы сердцо не болѣло! (Соб.).
379. Будёть—будёть, поносила,
Голубова—алова;
Будёть—будёть, полюбила
Бѣлова—кудрякова! (Соб.).
380. Голубова не шивать,—
Алова не нѣшивать;
Со своїмъ-то мнѣ любезнымъ,
Парочкой не хаживать! (Кундыши).
381. Коленкѣрова рубашка
Призаношеная;
Моя мила не играѣть—
Призаброшеная! (Рож.).
382. Чёрна кофта съ бисеромъ,—
Я стояла съ писарёмъ;
Чёрнымъ зонтомъ подперлась,—
Вотъ сказали: обнелась! (Кундыши).
383. На краю стоить изба,—
Тыномъ огорожена;
На милой шуба чернена,
Бобрикомъ обложена! (Ломъ).
384. У игрушки—у тальянки
Тонки—звонки голоса;

У моей-то у любезнай
Круто пѣдвита коса;
— Подвѣтѣ—подкрѣчена,—
Съ милочкой разлученъ я;
Разлучили злые люди,
Какъ малюточку отъ груди! (Ломъ).

385. У рѣки у Талицы
Стояли двѣ красавицы;
Кубты завиты назать (особая при-
ческа),—
Не могъ красавицъ я узнать! (Кокшага).

XV. Вино—въ большомъ почетѣ.

386. Говорила Коленѣкъ:
Не пей вина несколенько;
Коля не послушалса,
Досытешка накушалса! (Кам.).

387. Вотъ сказали про милбва:
Мілой воточки не пѣть;
Посмотрѣла въ воскресеньѣ,—
Словно стѣлечка идётъ! (Рож.).

388. Я мальчишко молодой,
Душенька безгрѣшная;
Научила водку пить
Дѣвчёночка здѣшняя! (Ломъ).

389. Пей-ко, милой, воточку,—
Люби меня въ охоточку;
Пей,—ума не пропивай,—
Люби меня,—не забывай! (Рож.).

390. Нашто заецъ осердилса,
Въ бороздѣ овѣсъ стопталъ;
— Платиѣ бѣлой полотняной
Милёнокъ пьяной изорвалъ! (Ооб.).

391. Распроѣлятая вишневка
Научила водку пить;

Распоклятая матанька
Научила въ горѣ жить! (Кундышъ).

392. Сколь я не жиль, водку не пиль,—
Милка приневолила (2)
Дѣпьена напбила! (Ломъ).

393. Съ малыхъ лѣтъ вина не пиль,
Миляшка приневолила;
Во солдатушки пошель,—
Рубашку приготовила. (Лекма).

394. На столѣ стоять бутылка
Винограднова вина;
За столомъ стоитъ милашка
Ненаглядная моя! (Кам.).

Вар.: Не начесывай начесы,
Ненаглядная моя;
— За твои гладки начесы
Бывать молодчика меня! (Рож.).

395. Што ты, милка, глаза лушишь,—
Полбутылочки не купишь? (Пачи).

396. Полбутылочка сгубила,
Вольной свѣтикъ стать не миль;
Нашто дѣвица манила,
Ковда я тебѣ не миль? (Ломъ).

397. Черносливу налита
Полная бутылочка;
Съ чернобровымъ росписалась,
Чья я буду милочка! (Ломъ).

398. Цю зеленоѣ вино,—
Пью не напиваюся;
Меня милочка не любить,—
Я не набиваюся! (Ломъ).

399. Што намъ воточку не пить?—
Сама наливающа;
Што намъ дѣвокъ не любить?—
Сами насылающа! (Кам.).

XVI. Занятія молодежи. Чаще всего упоминаются въ пѣсняхъ полевая и другія деревенскія работы, отчасти и кустарная (№№ 422—424); немнogo, но очень характерныхъ (особенно женскія) пѣсеночки посвящено отхожимъ промысламъ (№№ 425—

400. Моя милка чисто жнётъ,
Окуратно вязжётъ;
Много горя приниметь,—
Некому не скажотъ! (Лекма).

401. На большой дорожкѣ жала,
Жала спѣлинкої осёсъ;
Мо'ёть милой изъ Еранскова
Подарочковъ навёзъ! (В.-рѣчье).

402. Я по полюшку ходила,
Всё суслбны ставила;
Гдѣ въ гостяхъ я погостила,—
Тамъ дружка оставила! (Рож.).

403. Шель я полёмъ, видѣль горѣ:
Жнётъ шамаечка една;
— Бохъ на побмочь тебѣ, милочка!
— Заплакала она. (Ломъ).

404. Я вчера назёмъ возила,—
Всё я въ полѣ путалась;
Я милёночка любила,—
До чево достукалась! (Тиминцы).

405. Я садила въ полѣ лукъ,—
Лук'отъ зелень и перість (2)
Милой басокъ и форенстъ! (Ломъ).

406. Я косыла—косыла,—
Косу въ воду бросила—
Лопаточку на ёлочку,—
Сама пошла къ миленочку! (Зав.).

407. Што ты, милочка, не робишъ,
На ково надѣёсся?
Придѣть зимонька холбдия,—
Ты во што одѣнёсся? (Лекма).

408. Боронила я на парѣ,
Мо'ёть милой на одной;

По милёнковой полосонькѣ

Проѣду разъ—другой! (Тиминцы).

409. За овиномъ боронила,
Коня въ яму уронила;
Посыпала за отцомъ,
Простояла съ молодцомъ! (Кундыши).
410. Наше полюшко широко:
Девеносто десетинъ;
Мо'еть миленькой—здоровой:
Обрабатыватъ однѣ! (Тиминцы).
411. Заграницной полуушалокъ (платъ),—
Поджигала,—не горить;
Мілой по спино покхалъ,—
Сколь кричѣла,—не стойти! (Юрьево).
412. Не одинъ ле я страждаю,
Хожу по полю съ серпомъ;
Горьки слёзы утираю
Бѣлымъ вышивтымъ платкомъ? (Ломъ).
-

413. За сараемъ рой ройца,—
Я не буду *рой ройтъ*;
Не хотѣль съ милой садицца,—
Милка весело глядитъ! (Соб.).
414. Охи—бхи—бховы,—
Прѣхи черембховы!
Копылки орѣховы,—
Игральщики уѣхали! (Рож.).
415. Я на рѣцьку шла,
Чежелѣ несла;
Не катѣ(ч)икъ, не валѣ(ч)икъ,—
Мілова платоц(ч)икъ! (Кр.-рѣчье).
416. Моя милка *платъ мыла*,—
Туть я любовалса;
Моя милка потонула,—
Туть я згоревалса! (Лекма).
417. Моя мила *платъ мыла*,—
Я въ рѣкѣ купалса;

Моя мила потонула,—
Какъ я испугалса! (Кам.).

418. Въ воскресеньѣ *согрѣшила*—
Сарафанъ съ оборкой *шила*! (Лекма).

419. Милка кофточку кроила,—
Много окоротила;
Знать, инова полюбила,—
Меня обзабѣтила! (Кам.).

420. *Вышай*, миленька, платокъ,—
Поцелую разъ петѣкъ! (Пачи).

421. Я сидѣла у окна,—
У окна розбитова;
Шила милому кисѣтъ,—
Не взелѣ кошѣйки! (Лекма).
-

422. Я надѣну бѣло платьѣ,
Чёрной плать подъ узлобѣ;
Миѣ охота доспросица,—
'дѣ севодня милой шѣётъ (2)
Шѣтъ онъ письмецо не щѣтъ? (Ломъ).

423. Я у тятѣ во саду
Сорокъ єлокъ посаджу;
Сорокъ єлокъ съ елочкой,—
Шѣётъ милой иголочкой! (Кундыши).

424. Я у тятѣ во саду
Сорокъ ивокъ посаджу;
Сорокъ ивокъ съ ивочкой,—
Шѣётъ милой машиночкой! (ib.).
-

425. Кабы тятѣка, кабы мамка,
Кабы братъ, какъ у людей;
Не пошла бы въ чужи люди
За три сотенки рублей! (Юрьево) *).

*) Въ параллель этой и слѣдующимъ частушкамъ, приведу «романсъ»:
Уродилася я какъ въ полѣ травинка,

426. Не коку́шечка коку́ётъ,
Соловеюшко (вар. кенареюшко) поётъ;
Родна мамонька скучаётъ:
Дочка по людямъ живётъ! (ib.; Лекма).
426. Дома корочки я пьла,—
На роботѣ пьсни пьла;
Въ людяхъ чаю напилась,—
Пошла—слезами залилась! (Лекма).
427. Тошнехонько дѣвчёночкѣ
Въ чужихъ людяхъ привыкать:
Съ половицѣ на другую
Не велятъ переступатъ! (Ломъ).

428. Изъ-за лѣсу—изъ-за горъ
Вылетали птички;
Мо'ётъ милой на заводѣ
Работаётъ спички! (Лекма).
429. Изъ за лѣсу—изъ за горъ
Вылетали воробы;
Мо'ётъ милой на заводѣ
Работаётъ коробы! (Лекма).
430. Свѣтить мѣсецъ и луна (?)
Съ неба голубова;
Неужеле не придѣтъ
Мілой изъ Царева? (Царевококшайска)?—Кундыши—

Моя молодость прошла по чужой сторонѣ.
Лѣть съ тринадцѣти я по людямъ ходила:
'дѣ дѣтей качала я, 'дѣ коровъ доила...
Изъ бѣднѣхъ-то я бѣдна, плохо я одѣта,—
Некто взамужъ не возьмётъ дѣвицу за это!
Въ томъ саду соловей громко распѣваётъ,—
У меня, у сироты, сердце поднываётъ.
Есь у птицы гнѣздо, у волчицы дѣти,—
У меня, у сироты, никовѣ на свѣты! (Ломъ).

Близкій варіантъ, записанный мною въ Канавинѣ (предмѣстье Нижнаго-Новгорода), заканчивался словами:
Пойду съ горя въ монастырь—Богу помолюся:
Не дасть ли мнѣ Господь той доли счастливой....

431. Зимоибрь *) молодцы
Неочемъ не тужатъ;
Всѣ Шувалову куницу
По копытку служатъ! (Лекма).

432. Дѣвки бережкомъ гуляютъ,—
Мы на барочкахъ пльвёмъ;
Дѣвки калину ломаютъ,
Мы смородину найдёмъ! (Кам.).

433. Брошу я деревню
Поѣду жить въ Москву;
Тамбѣй (тамъ) жить-то веселенько,—
Я забуду всю тоску! (Ломъ).

434. Свѣтить мѣсецъ и зарница,—
За рѣкой стоить больница;
Милка лѣчить всяки боли **)
Отъ проклятѣй любви! (Соб.).

XVII. Грамотность ***)—отразилась въ пѣсняхъ въ очень слабой степени; исключение—переписка милыхъ, но и тутъ немало недоумѣній.

435. Охъ, кабы грамотна была,—
Горюшка не знала:
Написала бы письмо,—
Къ мілому послала! (Лекма).
436. Не пиши, милёнокъ, писемъ,—
Не подамъ тебѣ отвѣтъ:
Сама писать я не умлю,—
Писаревъ знакомыхъ пѣть! (Лекма). ****)

437. Отъ милова ягодки
Не письма—не грамотки;
Не видать ево лица,—
Не дождаться письменца! (Ломъ).

*) Уходящіе на зиму въ Сибирь „на пріскѣ“ (на горы).

**) Милка, вѣроятно, служить въ сосѣдней земской аптекѣ въ сидѣлкахъ.

***) Срв. №№ 269, 397, 477 и 478.

****) Слободской уѣздъ (гдѣ с. Лекма)—одинъ изъ самыхъ глухихъ и захолустныхъ угловъ губерніи.

438. Ростопчено́нъко—тошиб:

*Пришло отъ милочки письмо;
Роспечатало печать,—
Со слезамъ буду читать! (Ломъ).*

439. Розмилашка, дай бумажки,—
Скоро писарь буду я:

*Наресую твоѣ глазки,
Ты навѣкъ будёшь моя! (Ломъ).*

440. До Казани мы дойдёмъ,—
Мы негдѣ не пропадёмъ;
*Мы читать—писать умѣмъ:
Въ писарушки попадёмъ!* (Тиминцы).

441. Кто солдатиковъ не любить,
А я стала бы любить,—
*Образованные люди:
Знаютъ, чѣмъ поговорить!* (Юрево).

442. Я къ обѣденію ходила,—
Становилась наперѣдъ:
*Не мо'ёть ле милёночекъ
На крылосъ поётъ?* (Кундыши).

XVIII. Изъ практической философіи.

443. Нынче юдики худыё:

*Хлѣбы не родяца;
У насъ дѣвушки играютъ:
Бога не бояца!* (Лекма) *).

444. Не обѣ томъ головка тужить,
Што чужая сторона;
А обѣ томъ пушче горюѣтъ:
Прошла молодость моя! (Рож.).

* Срв. выше № 418.—Въ дер. Кокуй (вблизи г. Вятки) крестьяне миѣ говорили, что въ голодной годъ они „зарокъ дали“ пѣсень не пѣть и не играть.—По поводу моего записыванія пѣсень меня много разъ принимали за антихриста.

445. Необчемъ я не скучаю,—
Жаль мнѣ: молодость прошла;
Моя молодость проходить,
Какъ весенняя вода! (Лекма).

446. Какъ у насъ во полюшкѣ
Есь посѣянной горохъ;
*Кто любовь прокляту знаѣтъ,
Тотъ сердечкомъ нездоровъ!* (Соб.).

447. Не машина траву косить,
Косить вострая коса;
*Не робота парня сушитъ,
Сушить дѣвчечья краса!* (Рож.).

448. На горѣ стоить алтека,—
Любовь сушить человѣка! (Соб.).

449. Не конторку кроють тѣсомъ,
Кроють новенькой домокъ;
Не дѣвченки меня тѣшать,—
Тѣшитъ лёгонькой умокъ! (Лекма).

450. Не на то колечко слито,
Штобъ на полочекъ лежать;
Не тако моѣ сердечко,
Штобъ дѣвицъ не уважать! (Рож.).

451. У моей у милочки
Глазка, какъ у рыбочки.—
Рыбка вбсуху не ходить,
Безъ воды не можетъ жить;
Парень дѣвицу полюбить,—
Безъ неё не можетъ жить! (Лекма).

452. На бѣдочки ходить—
Надо снарежацѧ;
*Если мѣлова любить,
Надо унижатъ!* (Рож.).

453. Подъ окошкомъ на пескѣ
Выросло кореньѣ;
*Нынче дѣвушекъ любить—
Чисто раззорѣнѣ!* (Лекма).

454. Подкошоная травинка
Некогда не отростёт;
Полюбленая дѣвчёнка
Некогда не росцвѣтёт! (ib.).
455. Гуляй—гуляй, дѣвица,
Нечево не сдѣлацца;
Хоть и сдѣлацца чево,—
Знай милоба едново! (Рож.).

XIX. Юмористика *).

456. Десеть лѣть коровы нѣть,—
Масломъ отрыгаёцца;
Пошла коровушку доить,—
Коровушка легаёцца;
Хлопъ корову кулакомъ:
Бохъ съ тобой тя съ молокомъ! (Ти-
минцы).
457. Дѣвки—ой! робята—ой!
Стоитъ корытечко съ водой;
Дѣвки ноги вымыли,—
Робята воду выпили;
Дѣвки мыли невначай,—
Робята выпили за чай! (Ломъ).
458. Голова моя кружицца:
Пойду къ дохтору лѣчицца;
Дохтуръ спросить: чѣмъ больна?
— Семерыхъ люблю одна! (Лекма).
459. Жени—жени, мамонька,
Жени молодѣва;
Я отдамъ жену въ солдаты,—
Самъ останусь дома (2)
У отца роднова! (В.-рѣчье).

*) О характерѣ элементарного народнаго юмора очень ясно говорить начало слѣдующей сказки (записана въ с. Юрьевѣ): „Жилъ да былъ старикъ съ мужомъ; поѣхали обѣ Офапасьевѣ дни въ гости со старухой Тѣхали—по поѣхали по поламъ дорогой До бору доѣхали, въ бору стоять семь берёзъ, восьмалѣтнѣхъ сосна...“

460. За рѣкой огонь горить:
Мила уточку наливть;
Милой думаль, што пожаръ,—
Взяль ведёрко,—побѣжалъ! (Рож.).
461. Моя милка плакала,—
Весь запоинь окапала;
Она вышла на морозъ,—
У ней фартучокъ замёрзъ! (Рож.).
462. Неужеле въ этомъ домѣ
Не откроёцца кабакъ?
Неужеле милой женицца,—
Оставить меня такъ? (Соб.).
463. Какъ по Вяткѣ по рѣкѣ
Ѣдѣтъ Оля въ тюрикѣ;
Тюрикъ вѣртицца,—
Оля сердицца. (Лекма).
464. Горѣ—горѣ, мужъ Григорей!
Хотьбы худенькой Максимъ (2)
Покалякала-бы съ нимъ! (Соб.).
465. Середь полюшка колодчикъ,
Есь застойная вода;
Кабы въ эту воду мёду,—
Она сладкая была! (Лекма).
466. Пойду—схожу—утоплюсь
Съ калинёва мосту;
Поморбиль я мілую
Небольшова росту! (Рож.).
467. Подъ горой у рѣки
У большова мосту,—
Потонулы тутъ воръ Петрунька
Небольшова росту! (Лекма).
468. У миляшки подъ карнизомъ
Воронята гнѣздо выуть;
Всё ли сельскіе робята
Погулять скоро придутъ!

— Они гулять не нагуляютъ,
Только мордочки побьють (2)
И назать скоро уйдутъ! (Лекма).

469. Моя милочка ухаба (отчаянная)—
У заутрени (вар. на вечерочкѣ) была,—
Шубу нову промолила (?),
Шаль пухову пропила! (Лекма).

470. Извломалса огородъ
На три половинки;
Если миленькой помрѣть,
Сдѣлаю поминки! (Соб.).

471. Не мекина—не овѣсь—
Парень дѣвицу увѣзъ;
Сѣль на дрожки, свѣсилъ ножки,
Сказаль: милая, прощай! (Тиминцы).

472. Кудри вьюцца, кудри вьюцца,
Кудри вьюцца завсѣлда;
Всяка дрянь надъ намъ смѣшца,—
Право, чистая бѣда!
Всяка швѣбра, всяка дрянь
Караваницца надъ намъ;
— Скажу я брату малому—
Олѣшинъкѣ удалому! (В.-рѣчье).

473. Провожала Оля Колю
До большова мосту;
Подъ большими-то мостикомъ
Ходить рыбка съ хвостикомъ;
Што повыше мостику
Плаваютъ утятя.—
Помолитесь, дѣвки, Богу:
Къ намъ идуть робята! (Лекма).

474. Въ огородѣ на гредахъ
Выросла росада;
Кто полюбить нашихъ дѣвокъ,
Чистая досада! (Лекма).

XX. Къ вопросу о происхожденіи частушки.

Въ предисловіи мы говорили о частушкѣ, какъ особомъ типѣ пѣсенного народнаго творчества, имѣя въ виду обычную современную частушку, какъ таковую, не касаясь вопроса объ ея историческомъ прошломъ.—Здѣсь, въ дополненіе къ сказанному, мы займемся вопросомъ объ историческомъ происхожденіи частушки, какъ особаго литературнаго типа.

Въ прежнее время, когда частушку называли еще только „фабричной пѣсней“, въ ней видѣли что-то совершенно новое, не только не имѣющее никакого отношенія, но и прямо противоположное старинной народной пѣснѣ,—что-то какъ бы внезапно родившееся изъ мѣазмовъ удушливой фабричной атмосферы.—Но когда присмотрѣлись къ частушкѣ поближе, то съ удивленіемъ увидѣли, что значительная часть современныхъ частушекъ является просто-на-просто обрывками старыхъ народныхъ пѣсень (*Перетъ; Баловъ*), и только другая часть—экспромтами новѣйшаго происхожденія. Нами было еще отмѣчено, что и въ этихъ экспромтахъ обычны технические приемы старой народной пѣсни (параллелизмъ, символы; см. въ предисловіи). Такимъ образомъ, тѣсная связь новой народной пѣсни съ старинною—вѣдь всякаго сомнѣнія.— Наконецъ, въ самое послѣднее время академикъ *А. И. Соболевский* (въ предисловіи къ VII тому „Великорусскихъ народныхъ пѣсень“ и въ рецензіи на нашу брошюру въ „Литературномъ Вѣстнике“) высказалъ новый взглядъ на частушку; по нему, это совсѣмъ не новая, а старая пѣсня. „Частушка не представляеть собою новой народной поэзіи. И прежде она была въ употреблении въ хороводѣ и на посидѣлкахъ Старые собиратели народныхъ пѣсень не обращали на нее вниманія и не вносили еще въ свои сборники; но частушка имѣ была извѣстна“ (Литер. Вѣстникъ, т. III, pp. 299—300).

Если первое изъ этихъ трехъ мнѣній отжило свой вѣкъ, то два послѣднихъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Онѣ, въ сущности, и не противорѣчатъ, а только дополняютъ другъ друга. Но взглядъ академика *Соболевскаго* является крайнимъ и едва ли вѣрнымъ. Какое отношеніе имѣютъ къ частушкѣ старыя *сборники* (*Сахаровъ*) или *наборники* (*Шейнъ*) хороводныя пѣсенки и пріпѣвки въ играхъ (*Терещенко*),—вопроѣтъ неясный; во всякомъ случаѣ, между ними гораздо болѣе разницы, чѣмъ сходства. Со-

временная частушка совершенно свободна отъ какого бы то ни было обряда (сопровождающего пѣніе дѣйствія); это дѣйствительный „стишокъ“, какъ ее и окрестилъ покойный Успенскій. Свидѣтельство самого народа, отрицательное отношеніе къ частушкѣ старого поколѣнія деревни лишь разъ говорятъ намъ о новизнѣ этого пѣсенного типа.

Мы продолжаемъ держаться своего прежняго мнѣнія. Частушка, *какъ литературный типъ, новое явленіе*. Возникла она на развалинахъ старой пѣсни.—Народная поэзія *живетъ* вмѣстѣ и нераздѣльно съ самою народною жизнью; вмѣстѣ съ послѣднею же она подвергается и кореннымъ переворотамъ. Въ послѣднія десятилѣтія въ народной жизни совершаются крутой переломъ; два современныхъ поколѣнія деревни, молодое и старое, *живутъ въ разныхъ вѣкахъ*. И старая народная пѣсня, разъ только она не окаменѣла въ предсмертныхъ судорогахъ, стала „*переворачиваться на новую*“. Сокращеніе и распаденіе на части,—вотъ главные симптомы такого „*переворачивания*“. На этой почвѣ явились коротенькия пѣсенки. По образцу ихъ создавались и создаются новые экспромты. Благодаря сохраненію въ народѣ прежняго поэтическаго чутья и вкуса, эти экспромты создаются по старой схемѣ (параллелизмъ: образъ-символъ и его объясненіе бытовыми чертами, какъ двѣ необходимыхъ части и (въ пѣснѣ) и при помощи старыхъ техническихъ пріёмовъ (старые пѣсенные символы, отрицательное сравненіе и т. п.).—По мотиву и складу, частушки ближе всего стоять къ стариннымъ „*плесковымъ*“ пѣснямъ.

Въ Яранскомъ уѣздѣ нами записано нѣсколько плясовыхъ пѣсенокъ, которыхъ пѣсениники (изъ молодежи) называли не „*плесковыми*“ и не „*частушками*“, а *частыми* (очевидно, по ихъ скорому мотиву). Это—мелкая плясовая пѣсни; одинъ изъ нихъ сохранились отъ старины, кажется, въ цѣломъ видѣ, другія—въ обрывкахъ или сокращеніи. По нашему мнѣнію, тѣ и другія должны были сыграть важную роль въ исторіи частушки, послужить для нея образцами.

Мы предложимъ вниманію читателя и эти пѣсни, предоставляемъ ему самому судить о достовѣрности нашей гипотезы.

475. Не браните не Олешу, не меня,
Есь Олешынъ платочикъ у меня;

На платѣ чёрны каемочки,—
Отдала кольцо въ потѣмочки.—
Съ круты гороньки спускалася,
Въ ручеёчкѣ умывалася;
Умывалася холоднѣю водой,
Утиралася косынкой носовой;
Я косыночку замыть не могла,—
Чернобровова забыть не могла! (Собо-
лево).

476. Ужъ ты, душница, дуй—дуй—дуй!
Раздуваша, дувай—дувай—дувай!
Моя милая, гуляй—гуляй—гуляй!
Люди бають и про тоже говорять,
Меня дѣвицу ругаютъ и бранятъ.
Ужъ я вольная вольница,
Самовольна самовольница;
Сполюбила соколи́ка—сокола,
Красна дѣвка удалова молодца.
Срв. у Соболевскаго, V, № 449.
(Соб.).

477. Ужъ вы хоньки—махоньки мои,
Полюбико-те тихонькѣ меня,
Неучёнова—неграмотнова
Безтолккова—безпамятнова!
— Ужъ я рада бы хохонюшку любить,
По тебѣ, милой, сердечищко болитъ,—
Што болить—болить побаиваѣть,
На мила дружка поглядываѣть,
Шерстобйтка уговариваѣть:
— Шерстобитушко—батюшко,
Ты повѣсь-ко лучокъ на крючокъ,
Ты себѣ-ко мнѣ шбрстки клочокъ,
Ишо шбрстки на варешки
Косолапому Иванушку! (Рож.).
Вар.: На чулочки—на варешки
На носочки—на перчаточки!

478. Ужъ ты шутиха—машутиха мой,
За что любишь ты лоскунтика—меня,—

Неучёнова—неграмотнова,
Безтолковова—безпамятнова? (Высо-
ково).

479. Ужъ ты шора—ты шора моя!
Какъ у поры широка борода!
По чисту полю гуляючи,
Ко землѣ-то припадаючи,
Земленігу собираючи!
Ишо чуть-то бирюкъ не съѣль,
Ишо чуть-то не ободраль,
Половину оторвалъ! (В.-рѣчье).

480. Ужъ ты тѣшила ле свойчена моя,
Заморила безъ горячёва меня!
— Ужъ ты затюшко—зять г....!
Не бывалъ ты у насъ давно,
Не видалъ мою дочь давно! (В.-рѣчье).

481. Ужъ ты стѣнка—ты стѣнка моя,
Возлѣ стѣнки постелька моя,
На постелькѣ милашка моя.
Мы съ милашкой миловалися,
Тѣмной ночки дожидалися,
Всю-ту ночку обнималися! (В.-рѣчье).

482. Ужъ вы дѣвушки—х醗оньки,
Уродилися не махоньки;
Ишо перва-та чай не пьётъ,
А вторая за водой нейдётъ.
Ишо третья-та умная дочь
ставала ранѣхонько,
Умывалася бѣлехонько,
Погонила корову на росу,
Увидала медвѣдя во лѣсу.
— Ты медвѣдушко—батюшко,
Ты свали съ меня заботушку,—
Задери мою коровушку!
— Задеру твою корову и быка,
Доведу я до пустова дойника! (Рож.).
- Срв. бѣлорусскую пѣсню у Шнейна
(Бр. II., 2 изд.), р. 278 (№ 530); срв.

у Васнецова, Пѣсни с.-вост. Россіи,
№ 104 (р. 80).

483. Ужъ вы дѣвушки—налиточки,—
Стоить парень у калиточки.
У калитки стоить парень молодой,
Кричить: дѣвица, напой меня водой!
— Я совѣдни угорѣла, не могу—
Пролежала весь денёчикъ въ пологу! (Рож.).

484. Ишо тѣтушка Сидоровна
Высоко ноги закидывала.
Окуйна позавидовала,—
Ешшо выше ноги вскидывала.
На свинѣ къ обѣдѣ бѣживала.
Подъѣзжала ко светымъ воротамъ—
Увидала мужика съ широгамъ! (В.-рѣ-
чье).

485. Ишо пойдь мостомъ—мостомъ—мостомъ
Подъ калиновымъ кустомъ—кустомъ—
кустомъ
Тамъ болися, вѣдь, баранъ съ козломъ,
Помутилася вода съ пескомъ.
— Тамої рыбा, вѣрно, бѣзъ кости,—
Пропадала мила бѣзъ вѣсти! (В.-рѣчье).

486. Ишо што это за диво за бѣда:
Ишо курица барана родилѣ,
Поросеночкѣ яичко снѣсть,
На печѣ мужикъ робеночка принесъ!
(Рож.).

487. Ужъ и што это за чертова любовь—
Потерялася изъ погребу морковь.
Приходили два солдата изъ полковъ,
Утащили двѣ котомки да мѣшокъ,
Пирорвали двѣ недѣльки да денекъ
И сварили двѣ чигунки да горшокъ! (Рож.).

488. Ужъ и што нынчъ за годы:
Чвѣту много, ягодъ нѣть!
Ужъ и што это за мѣлой:
Лѣтомъ любить, зимой нѣть!
— Радъ бы, душечка, любить,—
Зимой холодно ходить:
Шуба рвана—безъ кармана,
Безъ подошвы сапоги! (Пачи).

489. Вы, робятушки, пейте вино,—
Придѣтъ милой,—не обидьте ево!
Што робятушки повыпили вино,
Пришолъ милой—пообидили ево,
Чернобровую отбили у нево!...
Неужеле это сбудѣцца—
Чорнобровая отступицца? (Рож.).
Срв. выше № 138.

490. Мамонька, Пашку люблю,
Кашемерову рубашку куплю,—
Кашемеру не простова, по рублю...
Пѣйду—выйду на крутой бережокъ,
Подпояшу я широкой ремешокъ.
Ремешокъ от не сходицца:
Въ брюшкѣ маленькой заводицца.
Черезъ мѣсецъ, черезъ два и черезъ три
Стало брюшенько рости—rosti—rosti!
— Выростала въ полѣ травонька,—
Не за то ле бранить мамонька?
— Люблю—люблю свата своеvo,
Выйду замужъ за нево—
Послѣ Пасхи въ воскресенѣцо,—
Што для мила уваженѣцо! (Рож.).

491. Я сидѣла подъ крутымъ бережкомъ,
Подпоясана широкимъ ремешкомъ.
Што широкъ ремень не сходицца,—
Въ брюшкѣ маленькой заводицца.
— Принесу малютку маленьку,—
Посажу за зыбку мамоньку.

— Ужъ ты, мамонька, качай—качай—
качай—
Дамъ на водочку—на чай даѣ и на
чай! (В.-рѣчье).

Срв. выше № 234.

492. Говорила мамкѣ въ самыѣ уста:
Ѣдуть сватацця,—отдай ради Христа;
Не отдашь, мамка, покаѣши,—
Со мной за лѣто намаѣши:
Не поду я не жать—не косить,
Не поду я съ утра рано молотѣтъ!
(Рож.).

Срв. Этнogr. Обозрѣніе, XXXIII,
p. 107.

493. Я стояла у дуббовы верей.
Полоротенькой, меня побереги!
Полоротенькой ротокъ—ротокъ—ро-
токъ,
Сорокъ пряничковъ въ платокъ—въ
платокъ—въ платокъ!
Сорокъ пряничковъ приѣла—принесла,
Дружка милымъ—полоротымъ назвала.
(Соб.).

494. Посылала меня мать въ огородъ
Чеснокушку—капуску *) полоть;
Я полю—полю—попалываю,
По бороздонѣкѣ похаживаю,
Всё на солнышко поглядываю:
Высоко ле красно солнышко взошло?
— Красно солнышко туманомъ занесло,
Изъ туманику не видно иечево! (В.-рѣ-
чье).

495. Не во лѣсикѣ—ле лѣсь трещитъ?
Не мою ле жену чортъ ташитъ?
Не мою ле перетаскиваѣтъ?

*) Отъ честно кушать; вар.: кочешкѣвую.
Срв. у Соболевской, т. IV, № 791.

— Моя жёнушка бывливая
На свиньи въ село ёзживала;
Приезжала ко светымъ воротамъ,
Увидала мужиковъ съ бородамъ;
У светыхъ воротъ пирогъ нашла,
Воротилася, назадъ пошла! (Рож.).

Срв. выше № 484.

496. Молодой дятинушка
Заломалъ калинушку,
Бросилъ во долинушку.
Самъ пошолъ въ беседушку,
Съѣль онъ возлѣ дѣвушки,
Возлѣ прежней любушки.
Молвилъ ёй словечушко—
Словечушко тайноё

Некому не явноё
Машенькѣ досадноё . . .

— Ванюшка не женища
Не зимой не осенюю,
Середь лѣта теплова,
Время сѣнокоснова! (Соб.).

497. Я во городѣ народу удивиль,
Я калашницу за коробъ посадиль!
— Распросукинъ сынъ комаринскій мужикъ,
Ты зачѣмъ мою калашницу зашибъ?
— Я затѣмъ—затѣмъ ёё ушибъ,—
Не пеки она съ закалой широги,
Не лежи она съ Захаромъ на печи!
(В.-рѣчье).

498. Тетъка мѣрина продастъ,
Да на гармошку дѣнёгъ дастъ;
Я гармошку заведу,
Да мамку по миру пошлю!
Мамка хлѣба насириаѣтъ,
Будёмъ хлѣбомъ торговать.
— Ой гармошка—матушка,
Да лучше хлѣба—батюшка;
Поиграю—пошучу,
Дакъ три дни йсти не хочу! (Пачи).

499. Рында—рында—дѣвушка,
'дѣрында родилася?
— На печѣ въ охлопкѣ.
— 'дѣрында крестилася?
— На полатяхъ въ варежкѣ.
Стали рынду сватать,—
Стала рында плакать.
— Объ чёмъ, рында, плачёшь?
— Сарафану нѣту!
Распроклятой тараканъ
Съѣль у рынды сарафанъ.
Мы поѣдомъ на базаръ,
Кушимъ рындину сарафанъ! (Шулка).
Срв. Этногр. Обозрѣніе, XXXIII,
р. 261.

500. Мымра—мымра—мымрочка,
'дѣ ты, мымрочка, живёшь?
— На печѣ въ отопочкахъ,
Во старыхъ пришленѣточкахъ!
Стали мымру сватати,
Она стала плакати. (Пачи).

501. Дѣвка по полу ходила,
Таракана роздавила,
Тараканъ—тараканъ,
Тараканья нога!
Плесасть пошла—
Молодехонька;
Мо'ѣть миленькой играѣтъ,—
Я радехонька....
Плесасть пошла,—
Четвертакъ нашла;
Чѣ-то пѣдъ ногу попало:
Не ишо ле петачокъ? (В.-рѣчье).

502. Сталъ за рѣченъку ходить,
Да трёхъ матанечекъ любить—
Перву Сашу, другу Машу,
Третью душечку Евлашу.

Куплю Сашъ ленту алу,
А Машенькъ голубу;
Своёй душечкъ Евлáшъ
Кашемéровой платокъ,
Да на ручéньку перстенёкъ....
— Маленькиё дѣвушки,
Нáте вамъ конфеточки,
Скажите, 'дѣ бесѣдушки?
По средѣ деревнюшки
Сидятъ четыре дѣвушки:
Перва Саша, друга Маша,
Третья душечка Евлаша! (Соб.).

503. На оконкѣ свѣчка таѣть,
Подъ окномъ собачка лаѣть;
Я собачки не боюсь,
Къ милой въ тѣремѣ заберусь!
У милыя въ теремѣ
Сѣдѣть (сидѣть) скучно одному!....
(Рож.).

504. Не велять Машѣ за рѣченку ходить,
Не велять Машѣ молѣдчика любить,—
Молодчика молоденъкова,
Лѣтъ семнадцѣти, холостенъкова! (Рож.).
Срв. у Соболевскаго, II, №№ 62—67.

505. Красна дѣвица сидѣла подъ окномъ,
Утирала слёзы бѣлымъ рукавомъ;
Пришла весточка нерадошная къ ней,
Што сердешной другъ не вѣренъ
больше ёй! (Рож.).

Списокъ населенныхъ пунктовъ, гдѣ записывались пѣсни.

Байбиково.—Деревня недалеко от г. Яранска

В.-рпчье.—Великорбъче, село Яранского уезда
Высбково.—Село Яранск.

Высоково.—Село Яранск. у

*Зав.—Завбочина, дер. Яранск. у., недалеко отъ с. Вотчинин
Бам.—Камешница, с. Орловского уезда.*

Башкирка — с. Яранск.

Кокшага.—С. Яранск. у

Күндыши.—С. Яранск. у.

Лекмá.—С. Слободского уѣзда

Ломъ.—С. Яранск. у. (Комаровской вол.)

Оригиналъ.—С. Яранск. у. (К.)

Бришанка.—С. Яранск. у

Нач.—С. Яранск. у.

Рож.—Роженцово, с. 3

Сметáнино.—С. Яр. у.

Соб.—Соболево, с. Яр. у.

Тымчич.—Л. Вятского у (Шербинской вол.)

Уральское — С. Яранск у. (Ключевской вол.)

Уртъминское.—С. Яранск. у. (Б.)
Ю'зъзъ. С. Канычев.

Время записи п'есень—лѣтніе мѣсяцы 1901 и 1902 года, во
время специальныхъ діалектологическихъ поездокъ въ Вятскую губ.

ОПЕЧАТКИ.

3	7	истина	истини
12	2	по ассимиляції і	по ассимиляції,
—	1	очень узкое е	очень узкое (je); твердость шипящихъ (кромѣ ч) также не означается.
24	19	Зыбочка	Зыбонька
26	8	Ді́евской	Діевской
32	7	Вы́ди	Вы́ди
37	15	волдаты	въ солдаты
53	3	мѣдный	мѣдной
58	11	здумая	здумаю
70	4	въ Канавинѣ	въ Кунавинѣ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	3.
Глава I. Кого любить?	13.
II. Любитъ ли богатую? Общій взглядъ на богатство и бѣдность.	15.
III. Игранье (взаимное ухаживаніе молодежи).	16.
IV. Гулянья, бесѣдки, вечёрки и другія собранія молодежи.	29.
V. Подруги, товарищи, общество.	31.
VI. Сельскія власти.	37.
VII. Бракъ.	37.
VIII. Столкновенія съ родителями по вопросу о бракѣ.	43.
IX. Отцы и дѣти.	46.
X. Солдатство.	50.
XI. Разлука милыхъ.	52.
XII. Присуха.	59.
XIII. Новая, городская культура.	60.
XIV. Костюмъ.	62.
XV. Вино.	65.
XVI. Занятія молодежи.	67.
XVII. Грамотность.	71.
XVIII. Изъ практической философіи.	72.
XIX. Юмористика.	74.
XX. Къ вопросу о происхожденіи частушки.	77.
Списокъ населенныхъ пунктовъ, гдѣ записывались пѣсни.	87.

263
11/13